

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 21 МАЙ 1984

Призеры
Олимпийских игр
в Сараево
Марина Климова
и Сергей Пономаренко

10 мая. Большой Кремлевский дворец.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР 10 мая в Москву с официальным визитом прибыли король Испании Хуан Карлос I и королева София.

В Кремле, на площади у Большого Кремлевского дворца, короля Хуана Карлоса I и королеву Софию встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко с супругой.

10 мая в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко с королем Испании Хуаном Карлосом I.

Проводы в Кремле.

Во встрече приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов и министр иностранных дел Испании Ф. Моран.

Во время встречи имел место полезный и конструктивный обмен мнениями по важным направлениям развития международной обстановки и перспективам отно-

шений между двумя странами.

На беседе, прошедшей в доброжелательной атмосфере, присутствовали помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, посол СССР в Испании Ю. В. Дубинин и посол Испании в СССР Х. Л. Ксифра.

Президиум Верховного Совета СССР 10 мая дал в Большом Кремлевском дворце обед в честь короля Испании Хуана Карлоса I и королевы Софии.

12 мая из Москвы в поездку по стране отбыли король Испании Хуан Карлос I и королева София.

Короля и королеву Испании провожали Генеральный секретарь

ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко с супругой.

В церемонии приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Деми-чев, другие официальные лица.

Фото А. Гостева

Во время встречи.

Фото В. Мусаэльяна, Э. Песова (ТАСС)

ВСТРЕЧА ТОВАРИЩЕЙ К. У. ЧЕРНЕНКО И А. КУНЬЯЛА

11 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко встретился с Генеральным секретарем Португальской компартии Алваро Куньялом, находившимся в Советском Союзе по приглашению ЦК КПСС.

Информируя А. Куньяла о ключевых задачах КПСС на современном этапе, К. У. Черненко подчеркнул, что своей важнейшей не только внутренней, но и международной задачей партия счи-

тает укрепление экономики страны, обеспечение ее всестороннего прогресса, дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни народа, обеспечение достаточной и надежной обороны Родины.

А. Куньял высоко оценил деятельность КПСС, направленную на совершенствование развитого социализма, последовательную политику мира и интернациональной солидарности, которую Страна Со-

ветов проводит на международной арене.

Генеральный секретарь ПКП рассказал о положении в Португалии.

К. У. Черненко выразил чувства неизменной солидарности КПСС с самоотверженной борьбой португальских коммунистов и пожелал им успехов в трудной и благородной борьбе.

В ходе беседы было выражено стремление КПСС и ПКП всемерно

содействовать развитию равноправных, взаимовыгодных советско-португальских отношений, расширению и укреплению дружбы между народами СССР и Португалии.

Во встрече, прошедшей в обстановке сердечности и дружбы, приняли участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев и член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

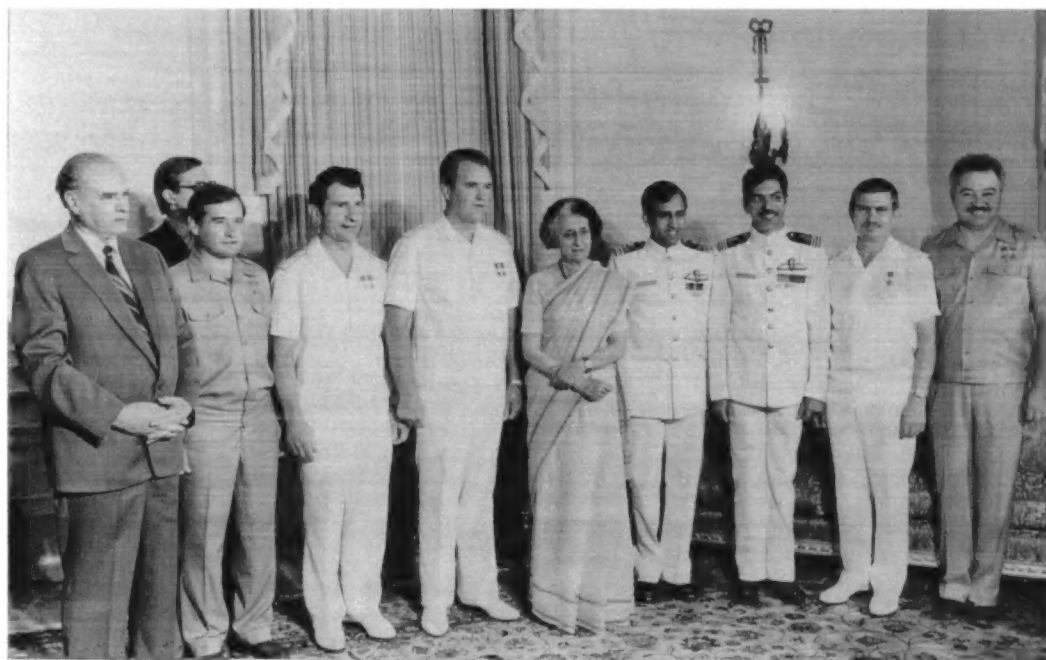

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 21 (2966)
19 МАЯ 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

Индира Ганди с индийскими и советскими космонавтами.

Фото А. Пушкарёва (ТАСС)

ОРБИТА ДРУЖБЫ

Самые теплые отношения соединяют советский и индийский народы. Еще одним подтверждением дружбы и сотрудничества между нашими странами стал полет советско-индийского экипажа на орбитальную станцию «Салют».

Сейчас советская делегация, в которую входят оба экипажа советско-индийской космической экспедиции, находится на госте-

приимной земле Индии. Их везде встречают цветами, дружескими улыбками, увенчивают гирляндами цветов.

Президент Индии Зайл Сингх вручил советским и индийским космонавтам высшие награды республики, присуждаемые за героизм и мужество, проявленные в мирное время. Участники совместного советско-индийского космиче-

ского полета Ю. В. Малышев, Г. М. Стрекалов и Ракеш Шарма удостоены орденов «Ашока Чакра». Члены дублирующего экипажа А. Н. Березовой, Г. М. Гречко и Равиш Мальхотра — орденов «Кирти Чакра». Советские космонавты стали первыми иностранными гражданами, удостоенными этих орденов. Вручая награды, президент республики Зайл Сингх отметил, что советско-индийский полет —

это выдающееся событие в истории наших народов.

В Государственном Доме приемов члены экипажей интернациональной космической экспедиции встретились с премьер-министром Индии Индирой Ганди. Беседуя с космонавтами, глава индийского правительства высоко оценила сотрудничество наших стран в исследовании космического пространства в мирных целях.

Центральная усадьба колхоза «17 сентября».

Надо сообща подумать. Беседа двух председателей — совета Несвижского РАПО Н. И. Демуха (с п р а в а) и колхоза «Новая жизнь» М. В. Соленика. На заднем плане — кооперативные коттеджи колхозников.

строка
из Продовольственной
программы

РАПО РАБОТАЕТ

Были надежными солдатами, отслужив, вернулись в родной колхоз.

Александр ЩЕРБАКОВ,
фото Михаила САВИНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ С УДОВЛЕТВОРЕНИЕМ ОТМЕЧАЮТ, ЧТО НАЧИНАЕТ ДАВАТЬ СВОИ ПЛОДЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА.

К. У. ЧЕРНЕНКО.

Из речи
на встрече с рабочими московского
металлургического завода «Серп и молот».

Майский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС принял Продовольственную программу СССР на период до 1990 года. О том, что сделано в Несвижском РАПО Минской области по ее реализации, рассказывают наши корреспонденты.

Конфликт возник неожиданно. Трактористы районной «Сельхозхимии» Иван Чернюк, Владимир Лепетило и Николай Янцевич приехали в колхоз «1 Мая», чтобы внести гербициды на свекольное поле. И не стали этого делать. «Поле плохо подготовлено,— сказали все трое, не сговариваясь.— Приведите его в порядок: зачем заведомо урожай портить?!» Обескураженные хозяева пытались с ними спорить, потом согласились, что трактористы правы, и заставили своих механизаторов вернуться сюда и поработать как следует.

Рассказал мне об этом Анато-

лий Федосьевич Климович, возглавляющий районную «Сельхозхимию». А закончил так:

— Думаю, можно утверждать, что тот случай в колхозе — доказательство нового в партнерстве после создания агропромышленных объединений. Все больше примеров, убеждающих, что постепенно исчезают понятия «чужое поле», «чужая техника», «чужой урожай»... И это одно из главных условий выполнения Продовольственной программы, дальнейшего развития сельского хозяйства вообще.

Ту же мысль подтвердил позже и управляющий районной «Сельхозтехники» Григорий Михайлович Лазарь.

Было б наивно, конечно, рассчитывать, что РАПО с ходу решит все проблемы, и партнерство, как в сказке, вмиг станет идеальным. На это и не надеялись в Несвижском районе. Потому и райком партии, и райисполком, и совет РАПО прежде всего и больше всего сосредоточили свои усилия на том, чтобы создать во всех под-

разделениях партнеров здоровый психологический климат. Несвижский район — один из самых крепких в Белоруссии. Урожайность зерновых в прошлом году, например, составила по району 31,6 центнера с гектара, а прирост их производства за три года пятилетки по сравнению с предыдущей пятилеткой — 11,8 процента, мяса — 21,7 процента, молока — 9,3, сахарной свеклы — 19,6. В первом квартале нынешнего года район перевыполнил план продажи государству и молока и мяса. Стало быть, прогресс налицо. Так насущны ли заботы о новом психологическом климате?

Насущны! И сила руководителей района в том, что они поняли это и взялись искать современное продолжение той политики, которая привела район на теперешние его рубежи. А что такое современное продолжение?

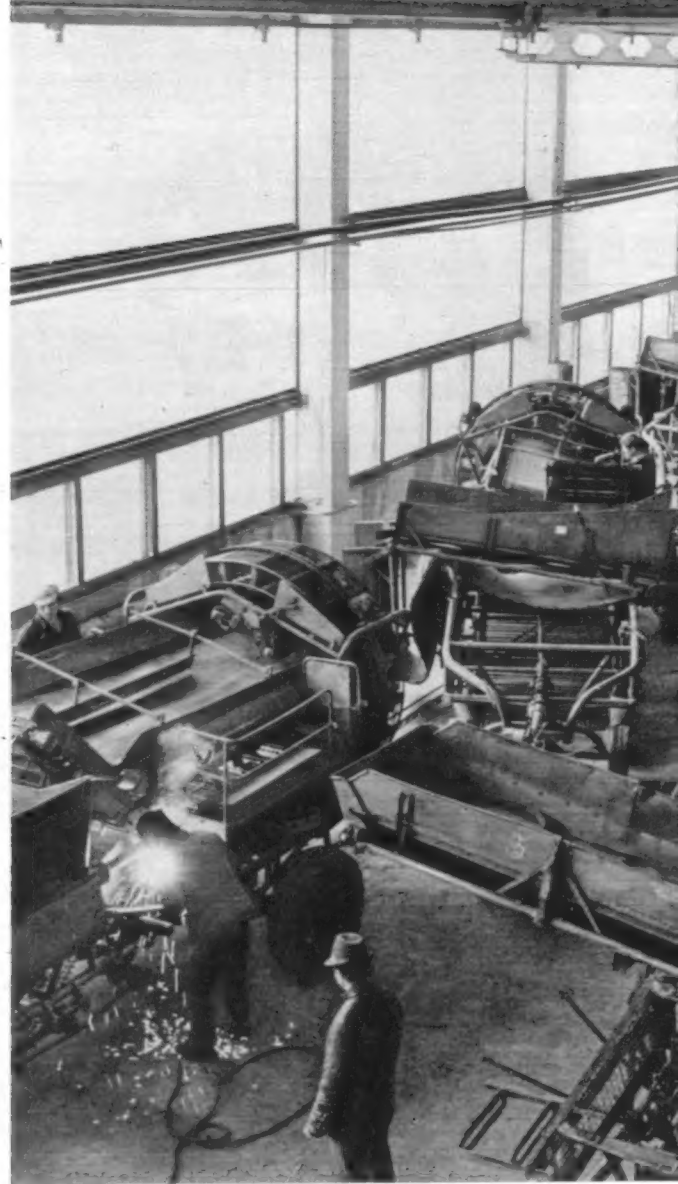
...От «Сельхозхимии» до нефтебазы четыреста метров. Пять бензовозов можно послать туда в любое время. Не посылали. Потому что существовал порядок: горючее доставляется только центро-

вывозом, а его осуществляет «Сельхозтехника». Шестнадцать тысяч рублей в год перечисляли ей, можно сказать, за здорово живешь. Еще одиннадцать тратили, чтоб перекачать горючее в свои бензовозы и развезти по объектам. Ладно деньги. Ведь на психологию такая практика влияла. В «Сельхозхимии» был повод рассуждать: «К чему нам бережливость, если ненужные расходы сверху узаконены?!» А в «Сельхозтехнике» потирали руки, плюсуя дармовые, по сути дела, доходы. На совете РАПО раз-другой всплыл вопрос. В область пришлось обращаться. Добились наконец, что отменили нелепое «правило».

Стало легче отлаживать взаимодействия хозяйств со всеми службами, с заготовителями. Прижали директора маслозавода: «Как же так: завод выпускает масло высшим сортом, а из колхозов молоко как привезут, приемщики с порога сортность занижают. Летом, когда большое молоко, колхоз по тысяче рублей в день, случается, теряет из-за «борьбы за

Аппаратная школьной телестудии в колхозе имени Калинина.

качество», которая заводу шальные деньги приносит. Маслозавод теперь политику меняет, но ведь, кроме молока, колхозы везут заготовителям картофель, лен, сахарную свеклу, овощи...

— Собираемся на совет РАПО,— говорит его председатель Николай Иванович Демух,— и выясняем «семейные» отношения. Должны, я верю, со временем добиться того, что все общим интересом жить станут. К * «Сельхозхимии» в этом смысле все меньше претензий. И «Сельхозтехника» делает обнадеживающие шаги. Начинает больше заботиться об эксплуатации машин, а не о ремонте, помогает учить колхозных механизаторов, создала зональную технологическую службу, ищет общий язык с инженерами хозяйств, чтобы освободить председателей

На майском пастбище.

колхозов от неблагодарной миссии толкачей и доставал.

С Николаем Ивановичем интересно беседовать. Он вырос в здешней деревне, надежно подкован как аграрник, имеет опыт партийной работы. Чувствует глубину, ориентируется на перспективу, отлично понимает людей. Одним из первых он поддержал председателя колхоза «Новая жизнь» Михаила Васильевича Соленика, когда тот задумал создать в колхозе жилищно-строительный кооператив. Заявлений на председательский стол легло сразу больше двух десятков. Тем более что планировались коттеджи на одну семью, по три и четыре комнаты, с водопроводом, канализацией, газом... И тем более что половину расходов брал на себя колхоз, а вторая — в рассрочку на двадцать

лет. Философия расчета проста: решим проблему устройства жизни — решим все остальные проблемы.

Демух сделал все, что мог, чтобы поддержать Соленика. Тем более что затеянное «Новой жизнью» без долгих раздумий поддержали в колхозе «17 сентября» и немедленно заложили десять коттеджей. Демух помогал проталкивать документацию, «привязывать» строителей, изыскивать транспорт. Убедился, какая уйма препятствий на пути, порой явно искусственных. Вот, скажем, проекты. Председателю колхоза хочется, чтоб поселок смотрелся как на картинке. Хочется, чтоб было из чего выбрать, но проектов предлагают мало. Председатель не посчитал бы за труд съездить за проектом в Прибалтику.

Увы, бесполезно. Белорусский Госстрой на «иногородний» проект документации не оформит. И РАПО здесь бессильно.

Вообще о правах РАПО напрашивается разговор серьезный. Первый секретарь райкома партии Мария Николаевна Худая смотрит на них и как партийный работник и как экономист.

— Чем дальше, тем больше успех развития зависит от слаженности хозяйственного механизма в целом, а она, слаженность, возможна лишь при высокой культуре, при безупречной организованности, они же, в свою очередь, — от уровня воспитания людей. Вот узелок. В нем и задачи и проблемы. Для РАПО, для района в целом. Надо уходить решительно и бесповоротно от общих установок, от показной деловитости, от охвата мероприятиями и предельно конкретному участию во всем, что так или иначе определяет судьбу планов, решений. Представьте се-

Ремонт картофелеуборочных комбайнов в мастерских несвижской «Сельхозтехники».

бе: мы намерены разобрать каждый случай простоя машин на посевной. Каждый! Разобрать так, чтоб дать урок и РАПО, и всем службам района, и всем хозяйствам. И для себя извлечь уроки.

Вот так, шаг за шагом, воспитываем единую заинтересованность всего района в решении Продовольственной программы. Видится надобность такого же подхода и на ступеньках выше районной. В помощь нам, в общих интересах. Мы не чувствуем, что резко повысился спрос за качеством сельскохозяйственных машин; тема неразберихи в организации строительства. А сколько неуязвим в струнтурах! Ввели, допустим, специализацию ремонта техники. В нашем районе ремонтируют картофелеуборочные машины. Починить грузовик — будто в другое государство стучаться...

Правда Мария Николаевна. Руками одних районщиков все узлы не развяжешь. Развязать их — значит решить важнейшую для страны задачу.

В новом доме механизатора колхоза «Новая жизнь» А. Л. Карачуна.

1.

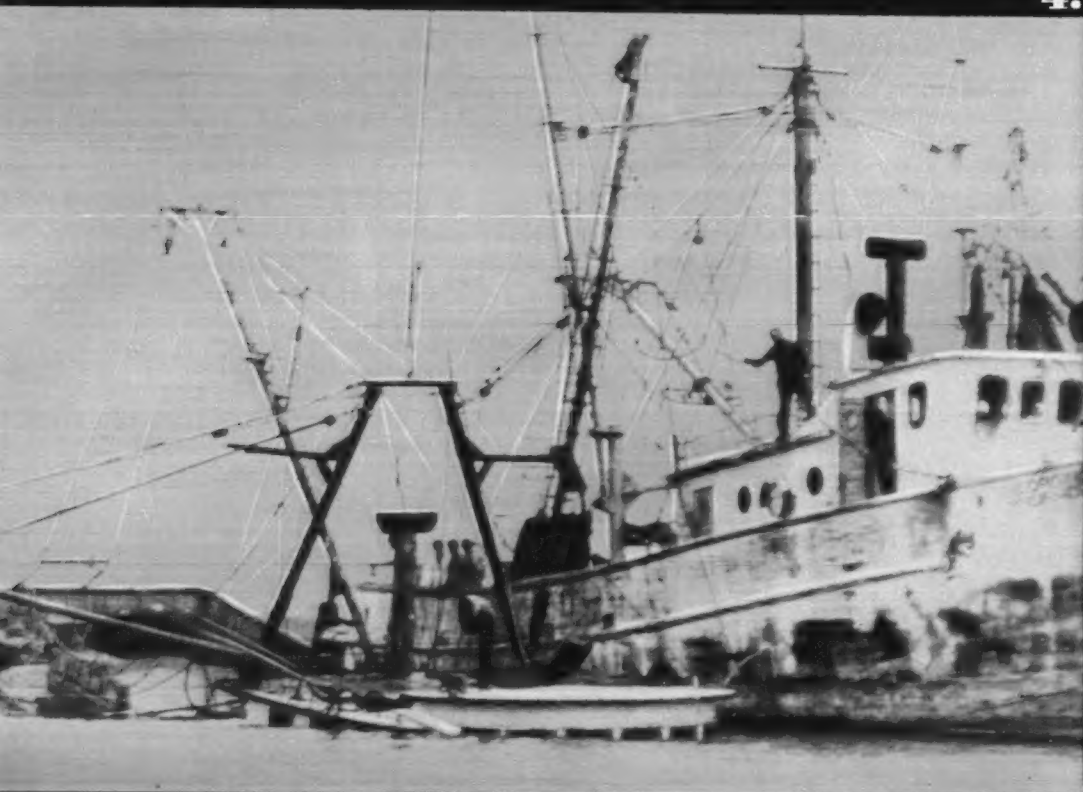
2.

3.

4.

5.

ФРГ

1

Жестоким полицейским террором ответили власти ФРГ на традиционные весенние «марши мира», начавшиеся по всей стране.

Центром антивоенных выступлений стал Гарльшtedт, расположенный близ Бремена, где находится военная база США. «Долой «Першинги-2» и крылатые ракеты с нашей земли!», «Мы требуем, чтобы Европа стала безъядерной зоной!» — под такими лозунгами сотни демонстрантов провели у ворот базы манифестацию протеста против военных приготовлений США и НАТО.

Власти перебросили в район Гарльшtedта вооруженные до зубов полицейские подразделения. Для разгона мирной манифестации в ход были пущены мощные водометы (на снимке), гранаты со слезоточивым газом, «химические дубинки» — специальное газовое оружие, применение которого способно вызвать тяжелейшие травмы и увечья. Среди демонстрантов имеются раненые. Полиция провела аресты среди участников манифестации.

США

2

Для борьбы с забастовкой все средства хороши, считают толстосумы. Наем штрейк-брехеров — старый способ, чтобы сбить накал стачечной борьбы. Если полицейские не в силах справиться с забастовщиками, капитал нанимает охрану головорезов, готовых ради денег на все и вся.

Лас-Вегас — столица игорных домов, место огромных прибылей для тех, кто владеет гостиницами, игорными домами. Ну, а те, кто обслуживает клиентов: горничные, служащие, портье, официанты! Из них выжимают все. Поэтому они и вышли на улицы с требованием улучшить условия труда.

Этот снимок — из журнала «Тайм». Нанятый охранник в злобном остервенении сбил автомобилем участника забастовки в Лас-Вегасе и переехал через него. Ужас на лицах пикетчиков. Такова американская действительность.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

3

На оккупированных Израилем Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа прошли широкие народные выступления под лозунгами борьбы с продолжающейся израильской оккупацией, осуждения расистской политики сионистов на оккупированных территориях и камп-дэвидской сделки. Манифестанты выражали твердую поддержку Организации освобождения Палестины — единственному законному представителю палестинского народа.

НИКАРАГУА

4

За последние недели от мин в прибрежных водах Никарагуа пострадали несколько иностранных торговых судов, в том числе советский танкер «Луганск». Всю вину за эти преступления никарагуанское правительство возлагает на администрацию Рейгана, которая снабдила наемников быстроходными катерами и другой техникой для постановки мин. Эти террористические акции свидетельствуют о попытках США установить военно-морскую блокаду революционной республики.

На снимке: еще одно подорвавшееся судно — никарагуанский рыболовный траулер — во время спасательных работ.

БЕЛЬГИЯ

5

В Бельгии прошел национальный День борьбы против антинародной политики правительства. Этот день был проведен по призыву Всеобщей федерации труда Бельгии — одного из крупнейших профобъединений страны. На призыв ВФТБ откликнулись 80 процентов трудящихся. Вся деловая жизнь страны была парализована. На разгон участников выступлений были брошены отряды полиции. На мирных людей посыпался град ударов полицейских дубинок.

В президиуме совещания.

ФОРУМ

ЛИТЕРАТУРНОЙ СМЕНИ

В Москве открылось VIII Всесоюзное совещание молодых писателей, проходящее под девизом «Молодой писатель — активный участник коммунистического созидания, борьбы за мир», — традиционная встреча наиболее талантливых представителей нового поколения советской литературы.

Прозанники, поэты, публицисты, драматурги, критики, начинающие путь в литературе, собрались в столице, чтобы под руководством крупнейших мастеров обсудить свои произведения, получить путевку в творческую жизнь.

На открытии VIII Всесоюзного совещания молодых писателей присутствовали заведующие отделами ЦК КПСС Б. И. Стукалин и В. Ф. Шауро, председатель Госкомиздата СССР Б. Н. Пастухов.

Вступительным словом совещание открыл первый секретарь Правления Союза писателей СССР Г. М. Марков.

С докладом «Молодой писатель и героика коммунистического созидания» выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. М. Мишин.

О работе издательства «Молодая гвардия» с молодыми авторами сообщение сделал директор издательства В. И. Десятерик.

Актуальным проблемам развития советской многонациональной литературы и формирования активной жизненной позиции молодого писателя посвятил свое выступление секретарь Правления Союза писателей СССР Ф. Ф. Кузнецов.

Участникам совещания предстоит работа в творческих семинарах, встречи с литераторами, деятелями науки и культуры, передовиками производства.

Молодые писатели во время открытия совещания.

Фото И. Гаврилова

АЛЕКСАНДР ЛОПУХОВ

О. ЧЕРНОБРИВЦЕВА

Творчество народного художника УССР Александра Лопухова — яркое явление в украинском изобразительном искусстве. Он много работает над тематическими картинами, пишет портреты, пейзажи, натюрморты.

Его щедрый талант сопряжен с трудолюбием и стремлением к познанию, а произведения, посвященные Октябрю и Великой Отечественной войне, народу и Ленину, героической истории прошлого и современности, проникнуты пафосом и глубоким драматизмом.

Признание пришло к нему в 1953 году вместе с дипломной картиной «В Петроград. В. И. Ленин». Она по праву считается одним из значительнейших произведений Ленинианы. Сюжетной основой здесь стал исторический факт нелегального возвращения Владимира Ильича 7 октября 1917 года из Финляндии в Россию. Отблески огня вырываются из топки паровоза и передают напряженность обстановки и радостное предчувствие: мы видим сосредоточенную, порывистую фигуру вождя революции. Клубящийся пар за паровозным окном, словно ветер. Динамика движения выводит зрителя за рамки изображаемого события: будто за кадром, перед нами возникают легендарные дни подготовки Октябрьского вооруженного восстания.

Еще в юношеские годы художник сердцем воспринял слова Маяковского «Партия и Ленин — близнецы-братья» и над этой темой работает постоянно. Известны его монументальные картины-эпопеи «Да здравствует социалистическая революция!» — изображающая встречу вождя с трудящимися Петрограда на Финляндском вокзале, и «Президиум Советов» — Ленин и его соратники в президиуме исторического II съезда Советов. Живописец показывает, как восторженно приветствуют их рабочие и солдаты победившей революции. В этих полотнах образно воплощается непреложный закон нашей жизни: «Народ и партия едины».

Исторические события революции воссозданы также в произведениях «Арест Временного правительства», «Октябрь». Холст «Киевские коммунары. Арсенальцы» повествует о классовой борьбе за победу Октября на Украине. На белом окровавленном снегу, у красной стены, изрешеченной пулями, — здесь прямая ассоциация с расстрелом парижских коммунаров — стоят измученные коммунисты завода «Арсенал». Они первыми подняли знамя восстания на Украине, выступив против националистической Центральной Рады. И вот их вывели на расстрел. Враги на картине не показаны, видны лишь зловещие тени от стреляющих винтовок. Композиция усиливает восприятие неизбежной трагедии, но при этом утверждает победу борцов, которые стоят, тесно сомкнувшись, плечом к плечу, поддерживая друг друга.

Интересно решена и картина «Ильич». Любимого вождя художник показывает в момент, когда он слушает «Аппассионату» Бетховена, устремив взгляд в предвечернюю синеву.

Второй большой цикл мастера — серия работ о Великой Отечественной. На выставке произведений членов Академии художеств СССР, посвященной 225-летию академии, внимание зрителей привлекало полотно А. Лопухова «Победа». Ликуют герои, празднуют и салютуют Победе у Бранденбургских ворот Берлина. И зритель невольно начинает ощущать свою причастность великому событию, героизму народа, перенесшего трагедию войны. Такое чувство охватывает не только тех, кому на долю выпали испытания суровых лет, но и их детей, внуков... Среди торжествующих воинов в правом углу картины своеобразной метафорой видится небольшое искаленное деревцо с первыми побегами зелени. «Жизнь возрождена. Берегите ее!» — как бы вызывает мастер.

Эпический размах его полотен, посвященных войне, несет и глубокие философские размышления и память сердца, органически сливаясь с лиризмом, романтикой — характерными чертами украинского национального искусства.

...Восемнадцати лет юноша из Городни Черниговской области Александр Лопухов надел солдатскую шинель, стал автоматчиком, пулеметчиком, комсомольским вожак — комсоргом роты, шел с боями до Праги, где и встретил светлый День Победы. Позже художник напишет: «Все, что отобразил в своих полотнах, я пережил: мне ничего не приходилось выдумывать. Я не выдумывал ни героев моей картины «Война», ни солдат, которые в окопе склонились над трофейным патефоном («Лунная соната»), ни советских воинов, которые делятся с военнопленными табаком («В Берлине»), ни того молоденького раненого бойца, который с восхищением, словно впервые, слушает песню весенней птицы, забыв о том, что полчас назад кругом шла кровавая битва («Плчут жаворонки»). Я знал их».

Тревогой неотвратимых бед дышит холст «Война». В теплушках на фронт едут воины — вчерашние мирные труженики, студенты, школьники. Их провожают близкие... Общий серый темный цвет — одежды, перрона, отъезжающего состава. Раскрытые двери теплушки переламывает свежеструганная доска. Так создается впечатление своеобраз-

разной внутренней рамы, подобной тем, что со временем появятся почти в каждой советской семье, обрамляя траурные фотографии. Прямо, твердо смотрят на зрителей действующие лица холста.

Все эти произведения А. Лопухова пронизаны идеями преемственности революционных и патриотических идей, мира и человека, желанием отстоять жизнь на земле.

Он часто обращается к историческому прошлому. Картина «5 апреля 1847 года» посвящена Т. Г. Шевченко и раскрывает один из трагических моментов жизни Великого Кобзаря. Мужественная суровость, драматическая сила присущи также образам народа и его вожakov в картинах «Кармелюк» и «Восстание на Сечи».

К 325-летию воссоединения Украины с Россией А. Лопухов создал большое, монументальное полотно «Вольница» — о борьбе запорожских казаков. Он написал возвращение в Сечь на «чайках» (боевых судах запорожцев) измученных походами и битвами людей. В картине более девяноста персонажей — они недавно вышли из боя, их не покорили, но художник не изобразил ни одного улыбающегося лица. Люди сосредоточены, в тяжелых раздумьях; глаза казаков будто вопрошают: кто же протянет руку дружбы и помощи? Откликнется ли Россия на их зов?..

У Александра Михайловича немало полотен на темы далекого и недавнего прошлого, и тем не менее он глубоко современный художник. Восторгом и устремлением в красоту будущего пронизана серия работ «Музыка, человек и природа». В них художник высокого гражданского пафоса предстает перед зрителем как живописец-лирик, певец любви и человеческой души, родной земли.

Мастер никогда не забывает, как в далеком детстве его захватывало народное пение. Стоило прозвучать песне только на одной улице его родной Городни, как другие «кутки» подхватывали, и лилась она могучими и плавными аккордами над всем местечком. А он, совсем маленький, с упоением играл на гитаре, мандолине, балалайке. Вместе с матерью Ольгой Мефодиевной и братом Евгением они образовали домашнее трио. Послушать их выступление во дворе, утопающем в ярких, радостных красках мальв, чернобровцев и роз, собирались соседи...

Он не стал музыкантом-профессионалом, хотя обладает великолепными музыкальными данными. Но многие его холсты словно насыщены мелодиями любимых произведений.

В предмайские дни в Государственном музее украинского изобразительного искусства открылась персональная выставка Александра Михайловича. Он показал на ней портреты Бетховена, Чайковского, Шопена, Лысенко, Рахманинова... Здесь были также полотна, изображающие наших современников, детей, которые чаще всего живут на полотне в окружении природы.

А. Лопухов — сторонник классической школы, с особой любовью относится он к полотнам Рембрандта, Делакруа, Сурикова. Глубина понимания исторического процесса и сила народного духа суриковских холстов способствовали определению его творческого пути. У Сурикова он учится «населять холсты» десятками людей, проникать в тайны светового решения, закона композиционного построения, о котором замечательный мастер писал, что каждый прибавленный или убавленный вершок холста или лишняя поставленная точка разом все меняют. И заключал: это настоящая математика. С благодарностью вспоминает Александр Михайлович и педагога Киевского художественного института, одного из видных советских художников, тонкого колориста А. А. Шовкуненко, в мастерской которого учился.

Что бы ни представлял живописец на суд общественности — полотна на историко-революционную тему или портреты, пейзажи, натюрморты, — равнодушных не бывает. И это, видимо, предопределяется целенаправленностью самого таланта. Уважая право на выбор формы в искусстве, Лопухов не признает художников, которые добру и злу внимают равнодушно, «не ведая ни жалости, ни гнева». Сейчас он работает над новыми композициями: «Шаги истории» (на ленинскую тему) и «Мать». Последнюю работу посвящает простой советской женщине, пытаясь вложить в свое полотно высокий смысл горьковского изречения: восславим Женщину — Мать, чья любовь не знает преград, чей грудью вскормлен мир. Все прекрасное в человеке — от лучей солнца и от молока Матери...

Член-корреспондент Академии художеств СССР, профессор А. М. Лопухов избран депутатом Верховного Совета СССР. Более десяти лет он возглавляет Киевский государственный художественный институт. Рассказывая о планах деятельности Союза художников Украины, председателем которого является, Александр Михайлович говорит о необходимости многое сделать для того, чтобы художники глубже, философски осмысливали тему Времени, борьбы за мир, формирования личности, рожденной и воспитанной Советской властью.

А. Лопухов. Род. 1925. В ПЕТРОГРАД. В. И. ЛЕНИН.

А. Лопухов. ОКТЯБРЬ.

Он видел их в лицо

Роман Юрия Колесникова «Занавес приподнят», посвященный событиям кануна и начала второй мировой войны в Европе и на Ближнем Востоке, отражающий закулисную возню различных ведомств гитлеровской Германии и международного сионизма на мировой арене, был точно и емко охарактеризован дважды Героем Советского Союза генералом Д. А. Драгунским как «...одно из первых художественных произведений, разоблачающее весьма опасное явление нашего времени — сионизм». Находя, что «достойности романа прежде всего в том, что за внешним сцеплением фактов, за видимой хроникой тех дней в нем вскрывается глубокий социально-исторический смысл событий, воспроизводятся реалистические портреты тех людей на Западе, которые мнили себя вершителями судеб народов, а на деле оказались жалкими, продажными и беспринципными слугами империалистических агрессоров». Д. А. Драгунский, думается, все же не случайно сделал акцент на «художественности». Не потому, что художественное произведение проще, но потому, видимо, что оно всегда ближе человеческому сердцу и в лучшем смысле этого слова доступно.

Каждого, кто читал роман, привлекает его разоблачительный наклон. Итальянский фашизм, немецкий нацизм, румынский национализм — и всюду, всюду, всюду — изощренная и кровавая поступь сионизма! Когда видишь, точно наяву, всех этих бен-ционов, кнохов, гаснеров, стырча и прочих, — и тех, кто покруче — хозяева! — и тех, кто помельче — мануфактурщики, сыщики и вербовщики, — невольно вспоминаешь слова Сергея Есенина из «Страны негодяев», исполненные прямоты и отвращения: «Вот она — мировая биржа! Вот они — подлецы всех стран». Писатель вводит читателя и в ставку Гитлера, и в кабинет Черчилля, и в казематы королевской Румынии, и в тайные лабиринты перевалочных баз сионистов на Кипре.

Примечательна ирония автора, нередко переходящая в сарказм, когда дело касается чернорубашечников Муссолини, коричневорубашечников Гитлера, зеленорубашечников — железнодорожников Хорри Сими (фюрера легионерского движения в Румынии), голуборубашечников из тайных военизированных отрядов сионистов. Внешнее различие мало коснулось идеалов названного сброды, которому казалось, что его поступь устремит кого угодно: «И если весь мир в развалинах будет лежать, к черту! Нам на это наплевать... Мы все равно будем дальше маршировать...», или «Вставайте, вставайте, холуцы, вставайте, вставайте, гардонисты! Вперед на Восток! Восток впереди!» Как видим, строевые песни фашистской и сионистской молодежи явно схожи. Этот урок истории созвучен с целым рядом событий в современной междуна-

родной жизни, что еще раз подчеркивает политическую актуальность произведения Юрия Колесникова.

«Мы все равно будем дальше маршировать...» Но «дальше маршировать» возможно только при отсутствии силы, могущей противостоять страшному движению. Такая сила нашлась. Как находилась она и во все времена. По-разному боролись с фашизмом и сионизмом герои книги Ю. Колесникова. Мы с благодарностью думаем о них и сегодня. Они были разными, эти люди — рабочие, бедняки, интеллигенты, подпольщики... По-разному складывались и судьбы этих разных людей.

Так, не выдержав страха перед надвигающейся угрозой фашизма в королевской Румынии, уезжает в Палестину один из главных героев романа — еврейский юноша Хаим Волдтер. Во время погрома, который был прежде всего на руку сионистам, гибнет его мать. Что же делать? Что же делать, если «витрины магазина Гаснера уцелели»? И все-таки господин Гаснер «отправил крупную сумму в Палестину. «Надо же как-то обеспечить себя», — говорил он, — если тут вдруг колесо повернется не в ту сторону! Ну, а долго так может продолжаться? И чему мы будем? И вообще что станет с торговлей, с коммерцией, с самой жизнью?»

Господин мануфактурщик Гаснер, для которого коммерция — сама жизнь, покупает «только за наличные». И французский крепдешин, и бельгийский фидешин, и английский бостон («Война! Понимаете? И все, что там еще оставалось, я забрал до последнего метра...»). Только за наличные покупает (и одновременно продает) он и собственную жизнь. А Хаиму Волдтеру, как и типографу Рузичлеру, покупать и продавать нечего. Какой уж тут «единый народ, единая нация»? Но Рузичлер, что называется, пожил на свете и знает толк происходящему. «Не воображайте», — говорит он Гаснеру, — будто, субсидируя сионистиков из «Гардонии» или подбрасывая мелочищу общине, вы делаете большое дело для спасения еврейского народа! Нет, господин Гаснер! Вы его предадите... Вы не иудей, Гаснер, нет... Вы иудей!»

Придет время, и Хаим Волдтер сможет сказать то же самое своим «опекунам», а пока он уезжает в Палестину... Прощаясь со своим верным другом, коммунистом-подпольщиком Ильей Томовым, Хаим говорит: «В Германию слетаются фольксдойч, а в Палестину едем мы, фольксдойч... Немцы орут в три горла о своем фатерланде, не отстают от них и наши сионисты — со своим фатерландом».

...Немногом повезло остаться в живых: на глазах у Хаима и других пассажиров, сошедших с парохода, «Трансатлантик» взрывается. Полные ужаса голоса: «Он тонет! Там люди!» — не в силах изменить того, что произошло. Но понимание, что погибли от рук своих, не меньшим потрясением сказывается на оставшихся в живых.

Но долго еще будет молчать «холуц Хаим бен-Израэль Волдтер». И навсегда останется для доброхотов «честным бессарабским дураком». С этим героем связаны в романе впечатляющие страницы документалистики, которую Ю. Колесников органично вводит в ткань художественного повествования.

Одну непреложную заповедь сионизма услышал в Палестине и не принял Хаим: «Если хотят вывести недруга на чистую воду, чтобы потом уничтожить, сначала его обнимают и целуют... Ты разве этого не знаешь?»

Так толкает Хаиму поручившийся за него Бэньюэн Ионас. «Хватит с нас надежд на небо, хватит синих сновидений... Теперь мы будем брать все своими руками, а в руки возьмем оружие!» — распалает-

ЮРИЙ КОЛЕСНИКОВ
ЗАНАВЕС ПРИПОДНЯТ

ся он. Эти разглазительствования сиониста возвращают нас к откровениям господина Гаснера. «Теперь мы будем брать все...» «До последнего метра!» — добавил бы господин мануфактурщик... Но тот-то брал наличными — деньгами, — а эти берут — взрывчаткой! Таким образом, Хаим Волдтер оказался один среди чужих и жестоких людей — религиозных фанатиков, стяжателей, карьеристов, мастеров контрабанды, шантажа и убийства из-за угла... И мысли его все чаще и чаще возвращаются к Румынии, где остались его старик отец, сестренка, испытанный друг Илья Томов...

Думает о Хаиме и Томов. Многие связывает его с Волдтером. Вместе они читали марксистскую литературу, которую приносил именно Хаим, вместе мечтали о лучшем будущем. Теперь Томов — сложившийся боец за народное счастье, закаленный коммунист-подпольщик. А ведь когда-то и он был другим, и он «ненавидел себя, когда вспоминал, как шагнул под бой барабанов в фанельном шестани и до одурения орал вместе с другими асюную чушь во славу его величества короля Кароля Второго...»

Пройдя через допросы и пытки, выдержав кошмар одиночной камеры, под бесконечные «запрещается!» Томов выходит на свободу.

Вернувшись домой, Илья собирает со своим другом типографом Рузичлером в кофейню, где ничего не подозревающий и по-прежнему преуспевающий господин Гаснер едва не подавится при виде своего злейшего врага — невозмутимого, свободного, одетого в чистую рубашку... Вот этот символ «чистой рубашки» дан писателем в конце романа как бы в противовес всем черным, коричневым, зеленым и голубым униформам.

«Маруся!» — говорит дед Ильи. — Дай-на Илюхе что там есть из одежки... Рубашку чистую! И мы понимаем, что в доме бедняка может подчас не оказаться самого необходимого, но чистая рубашка, символизирующая бескорыстие и душевное благородство, символизирующая веру в лучшие дни, найдется всегда.

К этому стоит добавить, что в художественном преломлении материал произведения обретает особую значимость подлинной интернациональной и партийной позиции автора.

Действие романа Юрия Колесникова происходит во время, отдаленное от нас почти полувекковой давностью. Однако писатель не только еще раз напомнил нам о человеконенавистнической сущности сионизма, увиденной им изнутри, — его роман, по словам Д. А. Драгунского, «призывает к бдительности, готовности дать отпор любым пронкам сионистов в наши дни».

Валентина МАЛЬМИ

«...В те минуты, когда первый космонавт Юрий Алексеевич Гагарин благополучно приземлился, 12 апреля 1961 года работница московской фабрики № 36 Галина Щипанова подарила Родине сына — его назвали в честь космонавта Юрием...»

Такое письмо прислал в редакцию В. К. Чех из Хмельницкой области, напомнив, что в «Огоньке» в те дни была опубликована информация о рождении Юрия, а в заключение попросил рассказать, как сложилась судьба тезки Гагарина.

Семья Щипановых живет в Московской области, за станцией Долгопрудная, в многоэтажном доме. Едем туда. Нас встречает глава семьи Василий Георгиевич, теперь не слесарь-инструментальщик завода шлифовальных станков, где работает около тридцати лет, а инженер-технолог. Мы сразу догадываемся, что высокий юноша с такими же, как у отца, темными глазами и есть Юрий... Вышла из другой комнаты его сестра Лариса, которую в семье, как и брата, шутливо называют «космической». Оказывается, инженер-химик Лариса Щипанова (ныне Ермолова) родилась в день запуска первого в мире искусственного спутника Земли — 4 октября 1957 года.

Мы собираемся в Юриной комнате. Беседуем в ожидании мамы Галины Федоровны — она вот-вот

РОВЕСНИК ПОДВИГА

Юрий Щипанов и его сестра Лариса с сыном Володей.

должна прийти со смены. Галина Федоровна по-прежнему работает на московской швейной фабрике № 36, награждена орденом «Знак Почета».

— Как видите, космонавт из меня не получилось, — застенчиво говорит Юрий. — Я с детства люблю машины, технику, сразу после школы выучился на автомеханика, поработал немного на заводе, ушел в армию...

После армии Юрий Щипанов был крановиком, слесарем. Сейчас водит многотонные грузовые машины.

— Брат у меня очень хороший, — говорит Лариса. Хочет что-то еще добавить, но тут раздается звонок. — Это мама! — Сестра Юрия бежит открывать дверь.

— Конечно, космонавт — это особая гордость, — улыбается Галина Федоровна, — но дети сами выбирают свое будущее. А для родителей главная радость — воспитать достойного, трудолюбивого человека.

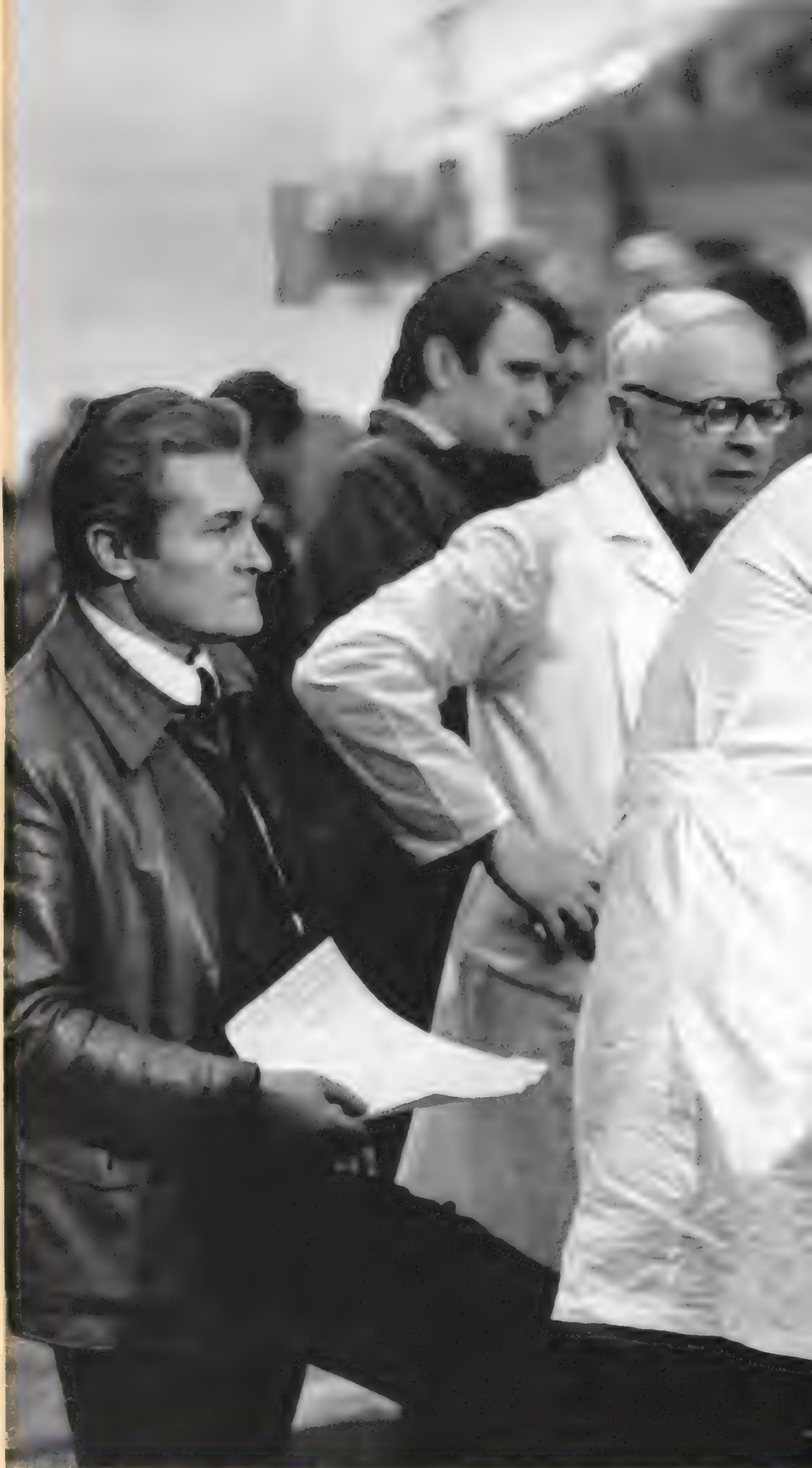
Л. КОРОБОВА
Фото Д. Дебазова

Юрий Колесников. Занавес приподнят. «Роман-газета» №№ 13, 14, 1983 год.

1950 год. Евгений Оскарович Патон с сыновьями Владимиром и Борисом — лауреаты Государственной премии СССР.

А этот снимок сделан еще раньше, ровно 50 лет назад, в 1934 году. Там Е. О. Патон начинал сварку в своей лаборатории.

ПАТОНОВСКАЯ

Содружество науки и производства. Создается машина для контактной сварки труб большого диаметра.

ТРАДИЦИЯ

Николай КОЗЛОВСКИЙ
Фото автора

1984 год. Дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР академик Б. Е. Патон и лауреат Ленинской и Государственной премий СССР и УССР академик АН Украины Б. И. Медовар.

Старейшие сотрудники института перед юбилеем вспоминают, как они начинали.

В лаборатории космической технологии.

К

то в наше время не слышал об Институте электросварки имени Е. О. Патона Академии наук Украинской ССР? Ныне это мощнейший комплекс, чье влияние на научно-технический прогресс ощутимо во многих отраслях народного хозяйства, а его исследования и разработки получили признание во всем мире.

Ежегодно совместно с промышленными предприятиями институт внедряет в производство больше ста законченных научных и конструкторских разработок, координирует исследования более полутысячи научных центров в области сварки и специальной электрометаллургии.

Сегодня «Институт Патона», как в обиходе называют этот трижды орденосный коллектив, включает в себя опытные заводы, экспериментальное производство, опытное конструкторское бюро и пятьдесят научных отделов и лабораторий. В них трудятся восемь с половиной тысяч человек, среди которых 360 кандидатов наук, 50 докторов наук, 11 академиков и членов-корреспондентов.

Главное в работе института — мобильность, умение бросить большие силы на перспективное направление, тонко чувствовать «болевые точки» на стыках науки и производства и доводить до обыденного применения на практике такие машины и технологии, которые еще вчера казались фантастикой, смелым прозрением. Это традиция.

За прошедшие десятилетия многое изменилось в институте, в масштабах его исследований, но неизменной осталась эта патоновская традиция. В нынешнем году коллектив института отмечает свое 50-летие. Две трети этого срока, равного почти целой жизни, я знаком с институтом, со многими его сотрудниками.

А началось все весной 1950 года. В газетах появилось сообщение о последних достижениях в области сварки, о ведущих специалистах и новых лауреатах Государственной премии СССР. Как корреспондент «Огонька», я позвонил директору Института электросварки. Евгений Оскарович Патон молча выслушал меня и спросил:

— Вам полчаса хватит для работы? У меня больше нет времени.

— Хватит, — поспешно согласился я. (Конечно, не хватит! Но что делать?)

— Тогда подъезжайте завтра в девять. И не опаздывайте.

При встрече директор был по-деловому строг, но корректен: ни тени раздражения или недовольства. Пока я расставлял свет в полутемном, просто обставленном кабинете, вошел его сын, Владимир Евгеньевич Патон, уже тогда известный ученый.

— А где Борис? — обратился к нему отец. (Теперь академик Борис Евгеньевич Патон — директор института, носящего имя его отца.)

— Он очень занят...

— Что значит «занят»? Ведь договорились... — Тут же поднял трубку и позвонил: — Мы через две минуты тебя ждем.

Интересно было видеть их вместе — отца и двух сыновей. Какое удивительное сходство — не в лицах, не в жестах, а в чем-то более важном, определяющем... Это скорее духовное родство, общая настроенность и еще что-то такое, чего не выразить словами. Они понимали друг друга с полуслова. Я не прислушивался к их разговору — снимал. Здесь было то, что труднее всего достигается в групповом портрете — ярко выраженная общность тех, кого ты свел в один кадр. Но едва я вошел в работу, как заглянула женщина — секретарь.

— Да, — сказал ей директор, — пусть члены ученого совета заходят. Уже время.

Портрет Евгения Оскаровича с сыновьями появился тогда на первой странице обложки «Огонька».

...Говорят, что первое впечатление наиболее ярко и достоверно. С тех пор я много раз бывал в Институте электросварки, снимал разных людей, работал над различными темами для советских и зарубежных изданий, но впечатление, вынесенное тридцать пять лет назад, ощущение напряженной, деловой атмосферы не тускло, а крепло. Работать

там всегда трудно, люди строги и требовательны, и прежде всего к самим себе. Однако, если это нужно для дела, подкажут, помогут, с уважением относятся к труду других.

В 1966 году редакция поручила мне сделать фоторепортаж о лауреатах Ленинской премии, создателях установки для контактной сварки. Хотелось их запечатлеть рядом с их детищем, но сама установка находилась на опытном полигоне, в другом конце города. Тогда я предложил товарищам проехать туда в автомобиле. Я оказался в компании людей, хорошо сработавшихся, остроумных, как бы «подмагниченных» друг другом. Хотелось тут же взяться за фотокамеру, но в руках — увы! — был руль.

Необходимые кадры возле сварочной машины получились быстро, но во мне осталось неудовлетворение: я так и не смог передать той свободы общения, творческой раскованности, которая их соединяла. И уже на обратном пути, притормозив у железной дороги, спросил:

— А вы не могли бы, отбросив солидность, пройти по одному рельсу, как в детстве?
— Если вам надо...

Они выбрались из машины и, подшучивая над собой, балансируя, пошли гуськом по одному рельсу.

Этот не совсем обычный групповой портрет лауреатов Ленинской премии я назвал «Четверо на одном рельсе». Он появился в нашем журнале, а потом его перепечатали десятки зарубежных изданий.

Когда Борис Евгеньевич Патон был награжден второй Золотой медалью Героя Социалистического Труда, журналу срочно понадобился его портрет. Но, несмотря на все мои просьбы, он никак не мог выбрать времени для съемки.

— А сейчас что вы делаете? — набрался я смелости.

— Готовлюсь к заседанию ученого совета.

— Разрешите мне присутствовать. Я там вас и сниму.

— Пожалуйста, — ответил он, — но только с условием: не мешать нам работать.

В первые минуты члены ученого совета, свободно рассевшись в просторном кабинете Бориса Евгеньевича Патона, бросали в мою сторону взгляды, но вскоре начали забывать о моем присутствии. И передо мной раскрылся богатейший материал для съемки. Тут и психологический портрет, и мгновенная реакция на чье-то веское слово...

Снимать в институте всегда сложно. Только отыщешь эффектный интерьер, необычный ракурс, а тебе говорят: «Нельзя. Эта установка уже не новинка». Находишь другое, а тебе снова: «Нельзя. Тут есть еще недоработки, новшество недостаточно проверено...» Но если уж отснял тему — она всегда современна, отражает самые прогрессивные направления мировой науки и техники.

За последние десятилетия институт вырос в несколько раз. Здесь ведутся фундаментальные исследования и подготавливаются их внедрение в самые различные отрасли народного хозяйства. Когда попадаешь в лаборатории, чувствуешь себя в фантастической машине времени: появляется возможность заглянуть в будущее, увидеть в набросках то, что завтра станет повседневной реальностью. Я убеждался в этом много раз. Смотришь по телевизору передачу из космоса и замечаешь приборы, которые видел у патоновцев несколько лет назад. Приезжаешь на стройку газопровода Уренгой — Ужгород, а тебе с гордостью демонстрируют сварочный комплекс «Север», который ты видел в первом, еще опытном экземпляре.

И так повсюду: на БАМе, на «Атоммаше», Харьковском тракторном или Львовском автомобильном, у кораблестроителей Херсона и на КамАЗе, — я мог бы перечислить еще десятки адресов, в том числе и зарубежных, где мне показывали замечательные по своим техническим данным плавильные печи, целые технологические комплексы, сварочные установки, приборы, инструменты, освоение которых позволило сделать едва ли не технический переворот в данном производстве. И мне было вдвойне приятно, что все эти новинки я видел еще в чертежах и опытных разработках, а главное — видел людей, их создававших, ощущал их творческий заряд...

Дмитрий Филимонов

Деревья детства

Облупленные, старые дома.
Коротенький бульвар.
Двора колодец.
Из новостройки, как инородца,
Вхожу я в детство...
Близится зима.
Коричневые листики шуршат.
Столетние деревья смотрят в небо.
И я иду, иду вперед,
А мне бы
Пройти назад.
Да годы не велят.

Привычный магазинчик на углу.
Знакомые задумчивые лица
Двух мужиков, а в стороне девица
С прическою, похожей на метлу.

Сюда за хлебом бегал я не раз.
Все так же было. Может, чуть
иначе.
Тогда — терзали школьные задачи.
Сегодня — все, что только видит
глаз...

Старушки на скамейке. Шепоток.
На стоптанном газоне
три девочки,
Наверно, лет пяти, квадрат
картонки
Подвесили на выцветший шнурок

И дергают его. Зачем? В кустах
Тряпичная истрепанная кукла
От влаги полиняла и набухла,
А пуговицы светятся в глазах.

Мальчишка уронил велосипед,
Достал платок, отер и как-то
сбоку
Взглянул на незашторенные окна:
Увидели проступок или нет?

А вот и дом. Знакомых три окна.
Подъезд, где невысокие ступени
И вечные непуганые тени,
И серая кирпичная стена.

— Что, улица? Забыла?
Да, давно...
Таких, как я,
Ты видела немало,
Любила, отпускала, забывала,
А в сердце оставалась все равно.

И мне не скрыть нахлынувшей
тоски.
Гляжу, гляжу... и все
не наглядеться...
И слышно, как шумят деревья
детства,
Уже недостижимо высоки.

Пронзительно чисто,
И ясно,
И резко
В тиши полуночной,
При полной луне,
Внезапностью блеска,
Как музыкальной всплеска,
Разгадка аселенной
Таится во мне.

И я ни минуты уже
Не колеблюсь,
И найден ответ
Гениально простой...
А к полдню —
Успешно разгаданный
Ребус,
Вернувшись к истоку,
Висит надо мной.

ПОЭЗИЯ

Деревьев шум невнятен, словно
На слово брошенное слово,
И, как загадочную фразу,
Его нельзя осмыслить сразу.

Необходимо отрешенье,
Уменье стать живой мишенью,
Чтоб очарованная сила
Тебя познанием пронзила.

ЮННА
МОРИЦ

ИЗБРАННОЕ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1982

...НЕ ИЗМЕНИ

Она пришла в большую русскую советскую поэзию «из голубого горного детства», из того самого, «где не съедена жар-птица даже в дни народных бедствий»; из того, когда так легко было «золотой упорхнуть из трубы дымовой».

Читаю Юнну Мориц — а не смотря на хорошо известное в литературе имя, печатается она довольно скупо, и потому «Избранное» впервые представляется широкому читателю возмож-

Юнна Мориц. Избранное.
М., «Советский писатель»,
496 с.

ность познакомиться с ее творчеством наиболее полно, — и невольно вспоминается то, о чем почти не в силах и вымолвить вслух, комок в горле застревает даже при попытке рассказать самому близкому человеку... Челябинские рабочие, отрывая скупые крохи от своего скудного пайка, отрывая от себя и от своих полуголодных детей, собрали и послали целый железнодорожный состав с продуктами детям, спасенным из страшных лап оккупации, — детям Курской, Орловской, Воронежской, Харьковской областей, то есть и мне, пятилетнему муринину. Посылала тот хлеб и автор будущих пронзительных стихов, у которой отец, и мать, и старшая сестра, как и весь «опорный край Державы», строили грозные, могучие «Т-34», «КВ», «ИС», спасшие не только нашу пресветлую Родину:

Гвоздями прибила война
к моему
Его здоровый скелет.
У меня был туберкулез,
А у бедняги нет.

Мы выжили оба, вгрызаясь
в один
Талон на один обед.
И два скелетика втерлись
в рай,
Имея один билет!

...Вспоминается мне, когда я в матросской форме — другой одежды не было да и купить было не на что — пришел с флота с записной-рекомендацией М. Ф. Рылского в «Огонек». Меня в редакции познакомили с Н. С. Тихоновым. Узнав, что я службу начинал в Киеве, он с доброй улыбой заметил: «Что ж, Киев — мать русских городов, еще одного поэта отыскал и прислал в белонаменную. Впрочем, так должно и поэте, я покровительствую юной поэте, Рылский — столь же юному поэту...» Николай Семенович имел в виду Юнну Мо-

риц. А чуть позже, так уж получилось, в Союз писателей нас приняли в один и тот же год, в один и тот же месяц...

И вот — ее «Избранное». Невозможно перечислить все лучшее в этой очень хорошей книге. Хочется сказать о другом, о том, «откуда есть, пошла...» поэзия Юнны Мориц.

Ее поэтическая манера — это то же, что беспредельно чарующий расцвет «По Дону гуляет...», а может быть, да и скорее всего мелодически дисциплинированная и артистическая раскованность русского народного причитания, заговора, заклинания. И это, естественно, идет от ее души и характера, нисколько не тормозя, не препятствуя самобытному воплощению идеи в слове, идет от глубокой образованности и образованности. Юнна Мориц и тончайший лирик и единый, острый полеймист. «Она, — как сказано в предисловии, — по собственному признанию, сводит воедино волны событий и чувств, и они переливаются из раздела в раздел, обращая нас не к биографии лирической героини, а к жизни ее души...» Я бы отметил еще: души умной и гордой в пору зрелости и расцвета. Себя и Родину она ощущает как единое целое, и ее стихотворение «Колыбельная», обращенное к сыну, подтверждение тому: «Помни!.. Что... в расцвете золотом я сперва тебя кормила, а земля — уже потом... И себя люби, и многих... только мне не измени...»

И не отсюда ли идет: «Там образ совести свиреп — он бьет в колокола, и тяжким делает мой хлеб, и портит мне дела!», и не поэтому ли мне хочется заключить разговор о ее книге ее же строками:

Живи на то, что скажешь
только ты,
А не на то, что о тебе
сказали!

Александр ГОВОРОВ

С МАРКОЙ «МИКРОМАШИНЫ»

К. БАРЫКИН
Фото Д. ДЕБАБОВА

У вещей бывают такие биографии, хоть детектив сочиняй. Бритва, обычная электробритва оказалась отменной дуэлянткой. Едва появившись на свет, она вызвала на спор давнюю «безопаску» и, думалось, была близка к победе. Поначалу, когда электробритва еще ходила в новинках и ей отдавали лучшие торговые прилавки, когда покупатель в поисках обезжал десятки магазинов, казалось, пройдет еще немного времени, и уйдет в небытие тихая, в общем-то надежная безопасная бритва. К этому все шло... Но у создателей электробритвы не хватило терпения, они стали форсировать события. Какой-то ловкий западный фирмач заказал киношникам фильм о том, сколь небезопасно привычное лезвие. Я видел тот минутный ролик: показали выбритого «безопаской» джентльмена; такое было впечатление, что он сражался на шпагах с одним из мушкетеров и был заметно изранен...

Но сторонники традиционной

техники в долгу не остались. Они тоже сделали фильм, показав, какие тучи пыли поднимает работающая электробритва... Ей так и не удалось доказать своего превосходства: конструкторы «безопаски» сделали стремительный рывок и изобрели «тандем», два лезвия в одном блоке. Понятно, электробритва не собирается сдавать позиции, но ее все же заметно потеснили. И это тотчас сказало на спросе. Он поутих, электробритва сейчас занимает одну из первых строк реестра «товаров замедленной реализации»; есть такой обтекаемый торговый термин. Если его перевести на язык неизящной прозы, то надо сказать: речь идет о неходовом товаре. Электробритва оказалась в этом неудачливом ряду.

Это понимают и на «Микромашине», предприятии, программа производства которого поначалу почти полностью была нацелена на производство именно электробритв. Специальное оборудование, знающие специалисты, отлаженный конвейер.

И суровый приговор спроса.

Тут мне придется сделать небольшое отступление и сказать о нелепости ситуации. Сейчас электробритвы поставили на свои конвейеры десять заводов. Многие предприятия, не сговариваясь (и плохо, что не сговариваясь, спрос — штука серьезная и требует обстоятельности), проявили к

ним внимание и интерес. Очень скоро оказались забитыми склады, базы да и магазины. Десятки наименований — суть одна. Десятки моделей — различие между ними невелико. Кроме неразберихи, это ничего, в сущности, не принесло. Покупательские предпочтения никто не формирует, и это вносит еще большую путаницу. Я говорил с торговыми работниками. Они отдавали предпочтение продукции «Микромашин», но отмечали при этом, что упаковки бритвы «микма» скучно, непривлекательно, хуже, чем другие приборы, в качестве подчас уступающие «микме», — непривлекателен футляр. Но тут «микма» не одинока, отметим и это. Приобрел недавно отличный бинокль, вложенный в такой футляр, что хоть сразу его выбрасывай. Фотоаппараты тоже наловчились укладывать в жесткие, тяжелые псевдофутляры... А упаковка — это реклама. «Микму» закупают западные фирмы, а вот на нашем прилавке она не выделена. Меня удивляет такая «скромность» рекламы. Отчего не написать бы над прилавком: такой бритвой бреются там-то и там-то. И назвать страны, которые хорошей бытовой техникой не обойдены.

Но все это к слову, пора вернуться в цех «Микромашин», сказать о том, что ситуация такая не могла не отразиться на производственных планах. На ходу, не оста-

навлявая конвейера, пересмотрели программу. Резко увеличили выпуск кофемолок, завод тем самым не только показал свой характер, продемонстрировал динамизм и предприимчивость, но остался «на плаву». Надо сказать, что «Микромашина» — предприятие заметное даже по столичным масштабам, оно не затерялось и среди гигантов индустрии, а заняло свое место. Реконструировали предприятие, такой новый корпус поставили — загляденье.

— Работать стало очень удобно, — это мне говорит Нина Михайловна Чикина, ветеран и бригадир.

Лента конвейера идет неторопко, в выверенном режиме, и производительность поддерживается высокой, и не утомляются чрез меру те, кто трудится на конвейере. Сама Нина Михайловна на месте не сидит. Каким-то чутьем определяет тот узелок на конвейере, который сулит, не прояви к нему внимания, завязаться излишне крепко. Чуть такое — Чикина уже здесь. Иногда подскажет, иногда сама сядет на рабочее место. В ее руках все спорится, работает Нина Михайловна сноровисто, точно, красиво.

Едва приметное движение, взмах руки — деталь снова на ленте конвейера, идет к следующей операции.

— Ответственно работает, — сказал о Нине Михайловне старший мастер В. П. Александров. — Самостоятельно, инициативно. Чикина — человек на своем месте. Бригада, каждый зависит от каждого.

Человек на своем месте... Не сразу нашла это место Нина Михайловна. Давно это было, но не вычеркнешь, даже уходила с завода. Вернулась («Когда

Г. Н. Мельникова, контролер ОТК.

Электробритва «микма».

уволилась, поняла: трудно будет, не отвыкну от нашего завода», встала на ионвейер, освоила многие операции. Со ступеньки на ступеньку, дошла до бригадирства.

— В социалистическом соревновании бригады Нины Михайловны достигли лучших результатов, — это мне говорит председатель профсоюзного цехового комитета, слесарь-сборщик Раиса Ивановна Лупова. — План первого квартала выполняла с превышением, вроде бы небольшим, но это 226 кофемолок. Товар ходил, спрос на него пона не удовлетворен полностью.

Вот и наращивает выпуск кофемолки коллектив «Микромашины». Пятилетнюю программу их производства завершат за четыре года. Строго следят за тем, чтобы избежать брака: на заводе свой кодекс качества, его стараются придерживаться.

Качество — это строгая технология, это безупречная работа машин и механизмов, современная поставка материалов.

— У качества есть и человеческий фактор, — замечает Лупова. — Как-то пришла к нам новенькая, зачислили в бригаду Чикиной. Холдновола поначалу работала, не переживала за то, что делает. Отсюда и небрежность. А небрежность — брак. Однажды подходит к ней Нина Михайловна, протягивает деталь. Спрашивает: «Нак думаешь, такая кофемолка долго проработает?» Та молчит. А Нина Михайловна так же спокойно, тихо: «Представь, купит эту кофемолку твоя мама. Принесет домой, вот расстроится-то...» Снизает, что сразу наша новенькая все поняла, значит очень все упростили, но сейчас она в числе лучших работниц...

Человеческий фактор и кофемолка? И мнений разных нет: прямая между ними связь. «Одного приструнить приходится, с другим помилуй, если понимает человек, для кого он работает». «А для кого?» — спрашиваю я. «Да для себя, для товарищей своих, для общества». Нина Михайловна все это для себя твердо решила. И не сейчас.

— Что такое товар народного потребления? Товар для всех и для каждого. Потому так нужна старательность...

Работа идет споро. В коллективе понимают, что марка «Микромашины» — это и марка столичного изделия. Москвичи определили себе высокие обязательства по выпуску товаров, выстраивают четкую цепочку, в которой каждое звено на виду. Вместе со свердловчанами москвичи взяли на себя лидерство в производстве товаров для народа: надо ли говорить, как

велика ответственность каждого предприятия, каждого директора, каждого рабочего... В столице разработана программа, ею и определены этапы дальнейшего развития промышленности, которой выпало заботиться о том, чтобы магазинные полки не пустовали и не были в то же время заняты неходовым товаром. Более трех тысяч наименований изделий для населения маркируются знаком качества, только за последние годы освоено около пяти тысяч новых изделий. Микромашиновцы сверяют свою работу с такими цифрами и показателями.

...Сейчас сборка Н. М. Чикиной находится в зоне повышенного внимания. И не только из-за умения бригады, не только оттого, что показывает пример трудолюбия и уважения к своему делу — на заводе многие хорошо работают. На слуху имена наладчика Андрея Федоровича Будучева, токаря Анны Ивановны Большой, штамповщицы Зои Ивановны Задорновой, слесаря-инструментальщика Юрия Викторовича Иванова... На «Микромашине» стабильный коллектив, многие трудятся не первый год. Внимание же к этому конвейеру — из-за общей торговой конъюнктуры, когда появляется все больше добротных изделий, когда спрос меняется. Он ориентирован не на товар «вообще», а на модный; не на кофемолку как таковую, а на дизайнерски законченную, хорошо работающую, в доме полезную... Вот и увеличивают производство кофемолок, а ими-то занимается бригада Н. М. Чикиной.

Если сравнивать два первых квартала, прошлый и нынешнего года, то по кофемолкам рост составил более 73 процентов. Заводчане приняли обязательства: годовой план дать 29 декабря. Значит, сверхплановые, вовсе не лишние кофемолки окажутся в самом начале будущего года на магазинных прилавках...

Что и требовалось доказать, как, помнится, писали прежде в школьных задачниках.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ОГОНЬКА»

ПРОБЛЕМЫ БОГОРОДСКОГО ПРОМЫСЛА

В статье, опубликованной в «Огоньке» № 46 за 1983 год, выражена тревога за судьбу народного промысла художественной резьбы по дереву, издавна существовавшего в селе Богородском Загорского района Московской области.

Проблема (это слово не гипербола, сейчас и впрямь искусственно создана проблема) сохранения промысла зависит от проектировщиков из Гидропроекта и строителей грандиозного гидротехнического сооружения и многоэтажного поселка энергетиков, возводимых в непосредственной близости от Богородского. Проблема должна теперь волновать и руководство Загорского района, и Мособлисполком, и республиканские министерства местной промышленности и культуры, Госстрой РСФСР и другие организации. Взволновала она и читателей журнала. Редакция получила много писем, проникнутых заботой о древнем промысле. Откликнулись люди самых разнообразных профессий и возрастов.

Кандидат физико-математических наук А. Г. Олейник:

«...Неумелое хирургическое вмешательство в практику сельского строительства, когда ное-где неоправданно стали возводить многоэтажные дома, привело не к закреплению кадров на селе, а к противоположному результату. Теперь эта практика осуждена, и для сельских жителей строят индивидуальные дома с высоким уровнем комфортности, но позволяющие сохранить традиции сельской жизни. Тем более подобный подход должен быть и в отношении уникальных оазисов русской народной культуры. Таких мест в России не так уж много. И их необходимо сохранять для продолжения традиций народа. Ведь промысел — это одна из областей народного творчества, искусства, а поточное фабричное производство отнюдь не способствует повышению художественной ценности продукции».

Экскурсоводы историко-архитектурной секции Московского городского бюро путешествий В. Я. Ежов и другие (всего семь подпунктов) напоминают, что деревянная игрушка имеет особое значение для Загорска. На эмблеме города рядом с крепостной башней изображена детская игрушка — конек. Столь большой почет не случаен. Ведь Загорск — центр игровой подотрасли республики, здесь и фабрика, и музей, и НИИ игрушки...

«Мы разделяем тревогу автора «Огонька», поддерживаем требование о немедленном создании охранной зоны в селе и музея истории богородской игрушки».

Не пепел, а пламя ищет человек в прошлом, — пишут экскурсоводы, — в памятниках истории и культуры, и в частности в богородской игрушке, пришедшей к нам из глубокой древности и несущей большой художественный вкус, доброту, юмор, — пламя души и нравственное здоровье народа. Утрата села и его промысла нарушит связь времен, принесет невосполнимый ущерб делу воспитания советских людей».

Рабочие Московского инструментального завода: токарь, кавалер орденов Трудового Славы III и II степеней Н. В. Сафонов, кавалеры орденов Трудового Красного Знамени шлифовщик

И. М. Киселев и мастер В. М. Лапин, член Первомайского РК КПСС, — осуждают «...недобрые силы, приложенные для того, чтобы симпатичные богородские фигурки, персонажи русских сказок, зверушки подмосковных лесов попали в Красную книгу нашей памяти». Они возмущены бездумными действиями, ведущими к уничтожению села, промысла, его подлинной народности и высокого патристического звучания.

Слесарь Ким Андреев, член КПСС, пропагандист, заключает свое письмо словами:

«Я за то, чтобы оставшуюся часть села Богородское превратить в заповедную зону; создать музей истории богородского промысла с большими запасниками; тем, кто хочет работать на дому, предоставить такую возможность; пересмотреть составы худсоветов и систему отбора образцов игрушек для серии».

Мимо хорошей, умной игрушки хороший человек не пройдет: удивится, заволнуется и купит радость обязательно».

В. Шельпова считает необоснованными жалобы директора Богородской фабрики Ткачука на снижение спроса.

«Зачем, — спрашивает она, — собирать резчиков в одном цехе, ведь они могут работать дома, как это делают вязальщицы оренбургских платков, — это снизило бы наладные расходы и удешевило продукцию».

На курортах можно было бы организовать специализированные лавки по продаже богородских игрушек, ведь сейчас там продают такую безвкусицу, что даже стыдно смотреть».

Читательница из Ивано-Франковской области Н. А. Хмель задает очень серьезные вопросы, которые сводятся к одному: как могло произойти, что промысел, переживший войну, сейчас под угрозой исчезновения? Она благодарит печать за выступления в защиту добрых народных традиций.

К пожеланиям «Богородскому промыслу — здравствовать!» присоединяются многие другие читатели нашего журнала.

Все изложенное выше, казалось бы, должно вселять надежды на благополучное решение проблемы, но огорчает, что ни одна официальная инстанция не отозвалась на публикацию о бедственном положении богородского промысла. Молчат Гидропроект и строители Минэнерго СССР, безразличны местные власти, пассивную, соглашательскую позицию заняли Министерство местной промышленности РСФСР и дирекция фабрики. ГлавАПУ Мособлисполкома не спешит с разработкой охранной зоны, дожидаясь, может быть, того момента, когда охранять уже будет нечего; успокоились благодушно и Управление культуры Мособлисполкома и его Производственное бюро по охране памятников, а уж им-то в первую очередь нужно было бы проявить бдительность и заботу.

Редакция ждет ответов от упомянутых организаций, напоминая, что существуют определенные правила ответа на критику в советской печати.

М. ПОСПЕЛОВ,
специальный
корреспондент «Огонька»

Н. М. Чикина и слесарь-сборщица И. М. Киселева.

Понстине велик тот народ, чьи сыновья и дочери способны без раздумий, расчетов и корысти отдать свою жизнь за родную землю. Молчаливыми свидетелями их подвигов были степные травы, дремучие леса, пенные волны, седые вершины гор. Всегда, везде и всюду присутствовал при этом еще один главный свидетель — История.

Когда мы сегодня размышляем об истоках народного героизма, то неизменно обращаем свой взор в прошлое нашей Родины. Было в нем и ликование мирного трудового дня, и стоны земли, которую топтали в разные времена то копыта вражеских коней, то кованые сапоги иных, более поздних захватчиков...

Но есть у всех исторических фактов и событий то, что роднит и сближает их, связует цепь времен, прокладывает из этой бездны минувшего тропинку к сердцу и уму каждого из нас. Это гордость от сознания своей принадлежности к народу, чьим самым высоким идеалом была и есть любовь к Отчизне, а самым первейшим долгом — ее защита.

Эти драгоценные свойства русского национального характера, драматические события, в которых он наиболее ярко и величе-

ков, сразу вызвала глубочайший отклик в душах слушателей своей мудрой человечностью, своим, по словам Б. Асафьева, «высоко-поэтическим пониманием глубин народного строя русской жизни»... Да, это так. И все-таки судьбу столь замечательного творения не назовешь ослепительно счастливой, несмотря на то, что опера доселе не однажды ставилась и в Большом театре. По-видимому, все дело в ее чрезвычайной сложности. Здесь слилось в причудливом, но неразрывном единстве и реальное и волшебное, и возвышенные чувства и почти натуралистический быт, и подвиг и предательство... Великий русский композитор объединил все это в единый многогранный и многоцветный музыкальный мир. Многим же из последующих толкователей оперы понимание этого оказалось не по плечу. В двадцатые годы Анатолию Васильевичу Луначарскому пришлось защищать «Китеж» от критиков-вульгаризаторов, увидевших в опере не больше, не меньше, как зерна «религиозной отравы». Другие «теоретики вопроса» спорили о том, можно ли ставить «Китеж» в традициях историко-эпической оперы, если в нем столько разных сказочных чудес...

Результатами этих споров были купюры, разного рода «усекнове-

гранной отточенности деталей (а именно так можно оценить звучание оркестра) Светланов рождает это чувство причастности к святыне и у слушателей.

Музыка по праву стала главным действующим лицом спектакля. Музыкальные образы и характеристики настолько яркие и выразительны, что симфонические картины (они исполняются при опущенном занавесе) «Сеча при Керженце» и «Хождение в невидимый град» воспринимаются почти зримыми, действие продолжается как бы на наших глазах во всем его драматизме, философской и образной насыщенности. Художественную и философскую суть спектакля углубляет, делает еще более убедительной и доступной для эмоционального восприятия сочная масштабная театральная живопись Ильи Глазунова.

Для Ильи Глазунова сценография «Китежа» — своего рода итог многолетнего увлеченного труда по освоению и развитию лучших традиций русской живописи, народного изобразительного искусства. Этот непростой поиск требует от художника большого мужества, убежденности. Тем более важно отметить в сценографическом решении спектакля присутствующую И. Глазунову колористическую щедрость, его своеобразный стиль, который устремлен к ста-

дет. Гришка Кутерьма и силен, и красив, и в разгуле удал, а душонка у него слабая, вот и дошел он до измены родной земле, и никакое пьяное буйство, никакие запоздалые укоры совести не спасут его... И от коварных захватчиков Бедя и Бурундя ему тоже одно презрение — такова судьба предателя во все времена. И надо ли предполагать, как это делают некоторые критики, что Феврония (если исполнительница станет развивать именно эту тему) могла бы исцелить Гришкину душу и возродить его? Человечность и всепрощение — вещи разные, а предательству ни забвения, ни прощения быть не может.

Сложные и вокальные и актерские задачи стояли перед исполнителями ведущих партий Г. Калининной и М. Касрашвили (Феврония), А. Ведерниковым (князь Юрий), В. Пьяко и А. Масленниковым (Гришка Кутерьма), Л. Вернигорой (Гусляр) и также перед молодыми солистами П. Кудрявченко (Всеволод), М. Масловым (Федор Поярок), В. Букиным (Ничий), Т. Ерастовой (Отрок). Каждый из сценических образов по своему интересен, достаточно убедителен, созвучен миру спектакля. Хотя работа по углублению вокальных и психологических характеристик, надо полагать, еще

Ирина ПИРОГОВА

ЗДРАВСТВУЙ,

СЛАВНЫЙ КИТЕЖ!

ственно выявил себя, всегда были неисчерпаемым источником вдохновения поэтов, художников, композиторов.

«...Приде неслыханная рать, безбожные моавитяне...» — такими скупыми строками поведала потомкам летопись о начале нашествия Батыя. Реки крови человеческой пролились, в пепелища превратились многие города и села, плакала и стонала со своими детьми, казалось, сама русская земля. Но вопреки всему яркими вечными звездами на черном небосклоне лихолетья сияют подвиги русских людей, до последнего защищавших родные места от врага, проявивших в те трагические времена все величие своей души, негасимую веру в грядущее.

Как свет одной из тех далеких звезд сохранилась легенда, записанная Мельниковым-Печерским, «Сказание о невидимом граде Китеже». Она легла в основу оперы Н. А. Римского-Корсакова — удивительного по красоте и масштабности музыкального сказа, волнующего своей героической силой, полнотой звучания старинных народных песен и наигрышей, завораживающей красотой волшебной символики.

Премьера оперы состоялась в 1907 году в Мариинском театре и, по свидетельству современни-

ция» и «поправки» — целостный музыкальный организм резали, что называется, «по живому».

Вот отчего новая, третья постановка «Китежа» в Большом театре стала особым событием в истории русской и советской оперы. Выдающемуся нашему дирижеру Евгению Светланову мы обязаны тем, что опера впервые идет в первоизданном авторском варианте, со всеми ее «божественными длиннотами».

Благоговейное, бережное отношение дирижера к каждой ноте, его подготовленность к овладению этой блистательной музыкальной вершиной имеют глубокие корни.

«Еще в юности при слове «Китеж» у меня внутренне поднимался какой-то тайный и неизъяснимый душевный трепет», — говорит Евгений Светланов. — И сердце каждый раз замирало в ожидании чего-то необыкновенно близкого и родного. Позже, когда музыка этой оперы стала для меня «открытой книгой», ощущение это все же не исчезло, и каждая встреча с величайшим шедевром Римского-Корсакова только углубляла чувство причастности к святыне». Одухотворенный талант, глубочайшей эмоциональностью, полифоническим богатством при виртуозной фили-

ринной народной поэтике и символике и в то же время ищет путь к душе и уму современника.

Органично вписались в зрительный образ спектакля великолепные костюмы Нины Виноградовой-Бенуа, отличающиеся хорошим вкусом, проникнутые чувством цвета и эпохи.

Поющим оркестром назвал один из критиков хор под управлением главного хормейстера Большого театра А. Рыбнова. Сложные постановочные задачи решил Р. Тихомиров, добившись выразительности мизансцен, ощущения живого потока сценического действия.

Удивителен, многообразен мир героев, населяющих полотно спектакля. Светом и чистотой, благодетельной силой исцеляющей любви и самоотверженности проникнут образ прекрасной девицы Февронии, ставшей символом надежды народной. С ней рядом мудрый прозорливец князь Юрий, у которого осознание трагической обреченности китежан перед бесчисленными ордами захватчиков не убивает незыблемой веры в будущее родной земли. Этой мыслью полны и бесстрашный воитель княжич Всеволод и дружинник Федор Поярок, ослепленный, но не сломленный врагами.

Не всякая сила до добра дове-

будет продолжаться, и многое прибавится, «нарастет».

Ну так что же, удалось поганому врагу погубить китежан, срубить с землей их прекрасный город? «Цел тот город до сих пор — с белокаменными стенами, златоверхими церквами, с честными монастырями, с княженицкими узорчатыми теремами, с боярскими каменными палатами, с рубленными из кондового леса домами. Цел град, но невидим», — говорит легенда. Так здравствуй же, славный вечный Китеж, во веки веков! Спасибо тем, кто воскресил тебя в нашей памяти, в нашей душе. Кто силой музыкального гения, вокального искусства, волшебной кистью художника вновь воспел народный подвиг, прикоснулся к истокам героического прошлого нашей Родины.

**Народная артистка РСФСР
Г. Калининна в роли Февронии
* Сцена из спектакля.**

**Фото В. МАСТЮКОВА
(ТАСС)**

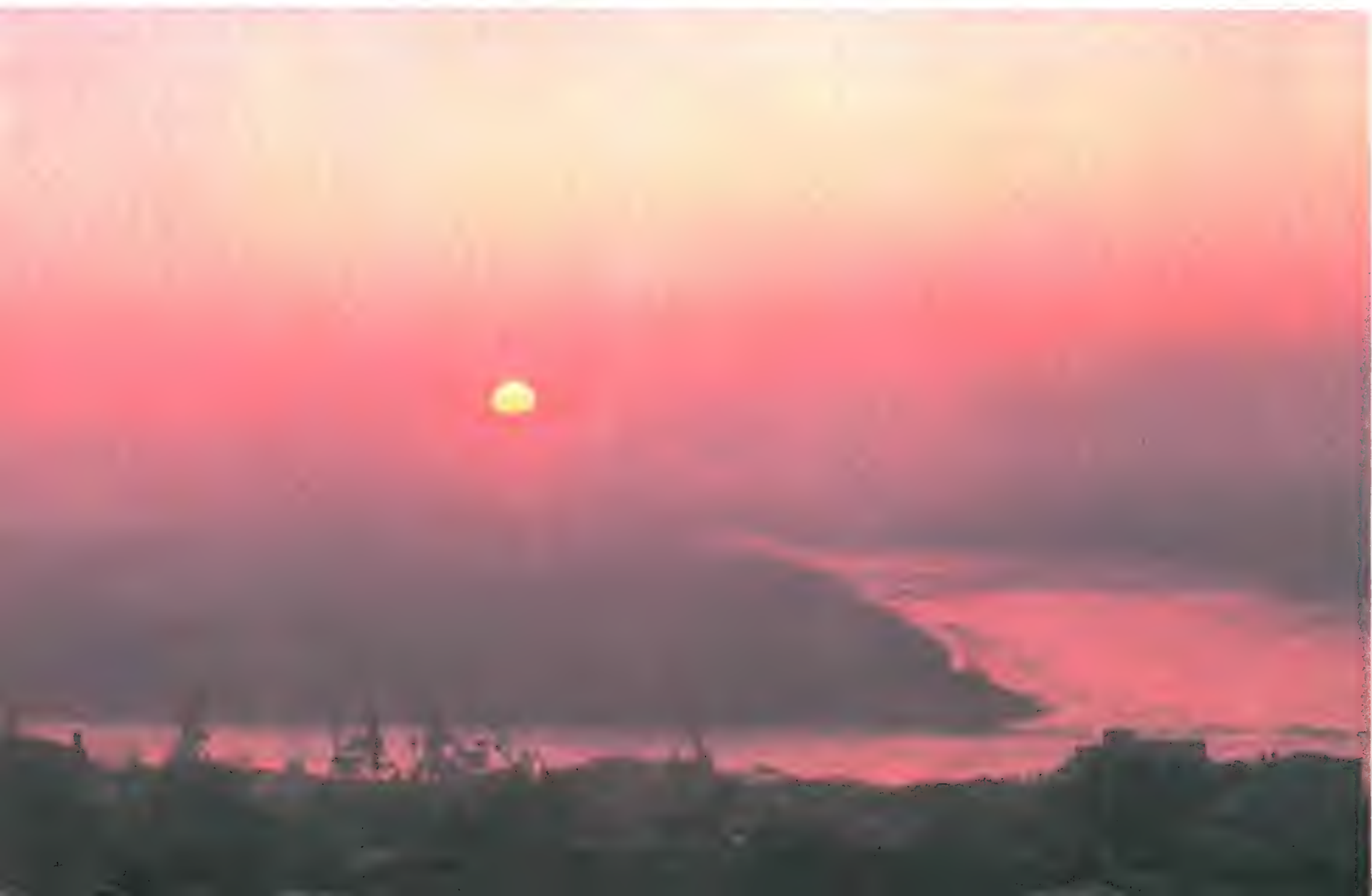

1. У дирижерского пульта — народный артист СССР Евгений Светланов.

2, 4. Сцены из оперы «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии».

3. Эскиз декорации к спектаклю народного художника СССР Ильи Глазунова.

Мостостроители Галина и Михаил Громыше.

НА ШОЛОХОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Виталий ЗАСЕЕВ, фото Алексея МАСЛОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

В какое бы время года вы ни подъехали к знаменитой донской станции Вешенской, слева от трассы обязательно увидите высоко в небе парящего степного орла. Особенно хорошо его видно на фоне утреннего неба, когда темное крыло ночи, скрывшись за горизонтом, уступает место бездонной синеве. Приблизимся к великану, отлитому из высокопрочного металла и установленному на вершине Белогорки, взглянем в панораму.

Ярко-желтый речной песок, точно бархан Каракумов, неустанно движется наперерез Дону. Далеко внизу снуют мощные «КраЗы», тяжело груженные «ЗИЛы». Ажурная стрела крана, плавно разворачиваясь, то и дело подносит новые детали пролета. Идет сооружение моста, о котором здесь мечтали давно. О строительстве которого хлопотал неизменный депутат вешенцев в Верховном Совете СССР Михаил Александрович Шолохов.

И вот уже мост растет, что называется, не по дням, а по часам. Его возводит саратовский Мостоотряд-40, главный инженер которого Алексей Пападык рассказывает:

— Хотя и тяжело он нам дается, но строим мы его с удовольствием, так как понимаем, что, соединив два берега Дона, «выведем в люди» весь север Ростовской области, подключив его к трассе Москва — Волгоград. И не будет здесь больше «закутков» и труднодоступных райо-

нов. И дары полей будет легче вывозить и строительные материалы сюда доставлять...

Мост и вправду дается нелегко. Тяжеловесные конструкции длиной свыше тридцати метров и весом в шестьдесят с лишним тонн приходилось возить чуть ли не за двести километров. Сегодня, кажется, большая часть из того, что необходимо для моста, уже лежит на берегу. Но проблем хватает.

Примечательно, что сооружением моста в основном занята молодежь. Галина и Михаил Громыше приехали сюда из Днепропетровска. Окончив транспортный институт и сыграв свадьбу, решили, как говорит Галина, «окунуться в самостоятельную жизнь». Молодожены быстро освоились с непривычной для них походной обстановкой, легко «вписались» в большую отряд мостостроителей. Сейчас Михаил работает прорабом, Галина — мастером участка.

— Трудлюбивые, растущие специалисты, — говорит о них А. Пападык. — И работы не боятся и с трудностями справляются, как бывалые мостовики. Меньше чем через год оба запишут в свою трудовую биографию первый совместно построенный мост...

— Что привело вас на Дон? — спросил я Галину и Михаила. — Должно быть, при распределении были и другие точки?

— Были, — ответила Галя, — но нам очень хотелось посмотреть шолоховские места. Вот и поехали в Вешенскую...

Монтажник Иван Лактионов в отличие от Громыше уже десять лет сооружает мосты. У него за плечами пять перекрытых рек. Свою профессию любит больше всего на свете.

— Пожалуй, мостостроители, как никто дру-

гой, воочию видят дело рук своих, — говорит И. Лактионов. — А это едва ли не самое главное в жизни человека — видеть дело своих рук и знать, что оно сближает людей, облегчает им жизнь.

Молодость коллектива мостостроителей, видимо, определила и современные методы возведения моста. Он будет построен способом надвижки. Все пролетное строение соберут на берегу, а затем 900-тонную машину на нефтяной ткани двинут на левую сторону реки. Это намного сократит сроки его ввода, удешевит затраты. По подсчетам специалистов, уже через четыре года с небольшим мост полностью окупит себя.

— Наш район, специализирующийся на производстве зерна, мяса и молока, делающий уверенные шаги в лесоводстве, с облегчением вздохнет, когда берега соединятся, — говорит председатель Вешенского райисполкома Юрий Филиппович Коротков. — Сегодня наши хозяйства производят сто двадцать тысяч тонн зерна, свыше десяти тысяч тонн подсолнечника, шесть тысяч тонн мяса, пятнадцать тысяч тонн молока, сто пятьдесят тонн шерсти и многое другое. Это же все перевезти надо.

Слушая Ю. Короткова, я снова в который раз убедился, что жители этого края влюблены в свою землю. Здесь почти нет текучести кадров. Единственная запись в трудовой книжке никого не удивляет. Каждый станичник охотно ведет приусадебное хозяйство и крайне редко покидает родные места. Дон с его отлогими берегами, песчаными косами и прозрачной зеленоватой волной надежно удерживает здесь и старого и малого.

Донские пейзажи.

Давно подмечено: жителям шолоховской земли присущи особое трудолюбие и рачительность, умение отвоевывать у непогоды высокие урожаи. Сейчас, к примеру, здесь с гордостью говорят о строительстве Чирской оросительной системы, которая позволит дополнительно напоить водой три тысячи гектаров пашни, что вдвое увеличит количество орошаемых в районе земель. А это даст совхозам — таким, как «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Кружалинский», и другим — возможность еще больше давать государству продукции полей и ферм.

— Продовольственная программа, которую нам предстоит осуществить вместе со всем советским народом и которая за два года заметно обогатила наш стол, будет решена земляками Шолохова с полной гарантией, — говорит знатная свинarka, Герой Социалистического Труда Х. Бокова.

...Почти двадцать лет езжу я в эти края и каждый раз узнаю что-то новое, необычное, о чем раньше здесь только мечтали. Так, нынешний год ознаменовался началом полной газификации станицы. С каждым годом заметно увеличивается в районе протяженность дорог с асфальтовым покрытием. Только за истекший год здесь появилось еще десять километров полотна, которому не страшны ни ливни, ни суховеи. И совсем недалеко то время, когда о весенней распутице как о бедствии здесь будут вспоминать как о чем-то далеком и нереальном.

— Наш райцентр был награжден дипломом ВДНХ СССР третьей степени за уровень архитектурной застройки, — говорит Ю. Ф. Коротков. — Есть у нас теперь задумка бронзу на золото переплавить.

Когда в Вешенском педагогическом училище заканчиваются занятия, на улице, носящей имя автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины», становится весело и многолюдно.

Преподаватель английского языка средней школы Надежда Тимофеевна Кузнецова (ее отец Т. Мрыхин был первым учителем М. Шолохова) с гордостью рассказывала о том, что выпускники школы без особого труда поступают в московские вузы и в числе лучших оканчивают МГУ, Тимирязевскую академию, Бауманское училище.

— У нас почти в каждом доме своя библиотека, — с достоинством говорил мне старый станичник Григорий Иванович Щербунев. — И это несмотря на то, что фонд районной библиотеки составляет десятки тысяч томов.

Радовался я всему, что узнавал о шолоховской земле, старательно записывал в блокнот впечатляющие цифры (при десяти тысячном населении Вешенской здесь за три года сдали более тысячи (!) благоустроенных квартир и домов), и все же чувство неудовлетворенности преследовало меня оттого, что не нашел я «изюминки» для будущего репортажа. Однако случай помог мне.

В один из дней вместе с Ю. Ф. Коротковым мы поехали осматривать новый вешенский санаторий. В лечебном корпусе на двести человек (пока это только первая очередь здравницы, которая в ближайшее время сможет принимать одновременно до пяти сот больных) с великолепной, оборудованной по последнему слову медицинской техники водолечебницей на десять ванн главный врач санатория В. Широкий представил мне несколько больных. Разговорились об обслуживании, о целебности местных источников. В числе тех, кто лечится в Вешках, не только местные жители и их земляки из ближайших станиц и городов, но и жители Магадана, Приморского края, из Петропавловска-Камчатского. Столь целебной оказалась здешняя минеральная вода.

Для тех, кто сюда приезжает лечиться и отдыхать, вешенцы делают немало. Строится великолепный Дворец культуры на шестьсот мест, столовая, плавательный бассейн и многое другое. Более тысячи человек с начала года поправили здесь здоровье. Девяносто пять из каждого ста уехали домой с заметным улучшением своего состояния.

Гордостью вешенской здравницы является не только минеральная вода, но и хвойный лес, окружающий ее. Почти двадцать гектаров молодого ельника, выращенные станичниками в условиях суховея и непогоды, создают здесь ни с чем не сравнимый микроклимат, благотворно действующий на людей.

Новелла ИВАНОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Отправляясь в командировку, я записала на всякий случай адрес, услышанный мимоходом: «Село Ковачице под Белградом. Там живут крестьяне-художники». И едва в моей рабочей программе наметилось «окошко», прошу друзей из журнала «Илустрована политика» помочь мне добраться до этого села. «Нет проблем!» — как всегда с готовностью отзывалась на мою просьбу секретарь редакции, славная Мира Жунич. Звоня враслет на руках, она тут же взялась за телефонную трубку: «Ты ведь знаешь нашего репортера Бранко Джурицу? Вот он и доставит тебя в Ковачице на своей машине!»

Машина Бранко была не в порядке, и мы отправились в ближайшую контору проката автомобилей. Заполнив кучу всевозможных листочков, мой коллега получил в наше распоряжение ярко-желтую отечественную «заставку», и мы тронулись в путь. По дороге Бранко рассказал, что в Югославии немало деревень, где крестьяне рисуют картины, но, пожалуй, самая знаменитая среди них та, куда мы едем. В Ковачице есть даже собственная художественная галерея! За разговорами быстро домчались до села, которое было больше похоже на городишко, вдоль широкой главной улицы которого стояли одноэтажные дома, окрашенные в разные оттенки голубого цвета. Проехав универсам, мы увидели объявление у автобусной остановки: «Посетите галерею самостоятельных художников!» Указатель привел нас к Дому культуры имени 3 октября. Едва Бранко остановился, к нам тут же подошел светловолосый молодой человек. «Здравствуйте, вы к нам в галерею?» Это был директор Ян Чех. Мы представились, и директор разволновался. «Как же вы не предупредили о своем приезде? Ведь я увидел вас случайно, галерея-то уже закрыта. Но раз такие гости — откроем!» Мы поднялись на второй этаж Дома культуры. Повозившись с замком, Ян Чех распахнул двери, и мы шагнули в многокрасочный и озорной мир ковачицких земледельцев. Вот они сами за работой в поле. Вот отдыхают среди золотого жнивья. Это веселая свадьба, а тут семейная ссора... В трех про-

сторных комнатах сельской галереи собрано множество полотен, и, как я заметила, подписаны они всего несколькими именами, среди которых были и женские.

— Так оно и есть! — подтвердил директор. — Тут собраны работы только наших главных художников, тех, с кого начиналась галерея. Будущим летом мы будем праздновать ее тридцатилетие. За эти годы выросло много способной молодежи.

— А как получилось, что ваше село стало селом художников? Ян Чех улыбнулся.

— У нас в год бывает до десяти тысяч посетителей, и почти все задают этот вопрос. Дело в том, что здесь, на равнине Воеводины, еще со времен Австро-Венгерской империи поселились мадьяры, румыны и словаки. Наше село словацкое, и мы тут все сохраняем язык, одежду и обычаи своих предков. Может, оттого-то здесь издавна люди рисовали, что хотели сохранить в памяти свою прежнюю родину. Теперь тут около семи тысяч жителей, понятное дело, не все рисуют, но в свободное время почти в каждом доме мастерят из листьев кукурузы всякие поделки — куклы, домашнюю утварь.

Мы идем от картины к картине, и я ловлю себя на том, что улыбаюсь: усатому пахарю, который крепко держит в непомерно огромных руках мотыгу, детишкам на салазках, кумушкам в пышных сборчатых юбках.

Их, людей, создавших этот яркий, по-детски наивный мир, называют в Югославии «наивцами», художниками-примитивистами. И они, обыкновенные крестьяне, рисуют от души, выписывая на картинах каждую деталь так же добросовестно, как привыкли делать свое крестьянское дело. Меня заинтересовало, а кто же все-таки среди них самый прославленный.

— Мартин Йонаш, — без раздумья ответил директор и предложил проводить нас к его дому.

Голубой цвет у жителей этого села издавна самый любимый, и дом Мартина Йонаша тоже был голубым. Мы постучали в ворота, и перед нами появился худощавый, высокий человек в толстой вязаной кофте. Знакомство состоялось тут же, у порога, и по тому, как нас встретили, стало ясно, что в этом крестьянском доме гости даже из дальних стран не диво. Зато подивились мы, увидев двор, где в соседстве с маленьким трактором-работягой оказались... рисунки. В скромных рамках они висели рядом на побеленной стене.

Вслед за хозяином мы поднялись на широкое крыльцо. Нас встретил мелодичный перезвон колокольчиков: большие и малые, пузатые и длинные, похожие на школьный пенал, — каких только тут не было, висевших рядом со связками лука!

— Это все колокольцы с лошадиных упряжек! — пояснил Мартин Йонаш. — Много лет я собираю их по деревням нашего края.

Мы вошли в просторные сени, стены которых были увешаны

ПАЛИТРА КРЕСТЬЯНИНА МАРТИНА

глиняными расписными тарелками.

— И это тоже — мои находки! Гляньте на эту маленькую тарелочку! Красота-та какая, а ведь ей уж за сто лет перевалило...

И сразу стало ясно: увлеченность — черта характера хозяина этого дома. Мы вошли в комнату, которую в нашем привычном представлении никак нельзя было назвать мастерской художника. Часть ее, ту, где стоят старинный черный массивный шкаф, стулья и столешница, Мартин называет «гостевой». А гости тут бывали знаменитые — на фотографиях, развешенных по деревенскому обычаю по стенам, я вижу рядом с хозяином дома улыбающихся звезд мирового кино — Анни Жирардо, Энтони Куина, Урсулу Андерс... Но самое главное место в этой комнате — большой стол у окна, заваленный рисунками, красками, карандашами. Я потянулась, чтобы взять карандаш, но... его удержала тонкая бечева, и, поймав мой удивленный взгляд, крестьянин тихо рассмеялся.

— Ярмила, внучка моя, повадилась таскать карандаши из-под рук, вот я их и привязываю тепер! Ярмила по-словацки «солнышко», и нашему солнышку скоро будет пять!

— Может, станет художницей?

— Хорошо, если так... А то вот отец ее, мой сын, без интереса к рисованию. Но руки у него золотые. Видели во дворе трактор? Так он с ним занимается с утра до ночи! Вернулся после службы в армии, женился, и теперь от земли его ничем не оторвешь! И я рад — ведь земля-то у нас богатая и тому, кто труда не боится, хорошо оплачивает.

На столе среди рисунков я вижу уже знакомого мне большенного усатого земледельца и спрашиваю, отчего Мартин рисует своих героев с непомерно громадными ногами и руками?

— Для крестьянина самое главное — сильные руки и ноги! Это — главное его богатство, ведь сельский человек работает, как хорошая машина, — горячо откликнулся он. — В моей семье было десять человек — отец, мать, дед с бабушкой да шестеро ребятишек. И все от мала до велика работали в поле. Тракторов тогда у нас не было, и все делали крестьянские руки. А зимой мои родные шли для односельчан тулупы, и, когда они приходили к нам, я видел их тяжелые, большие, натруженные руки.

...В начальной школе, где учился Мартин, его часто хвалили за рисование. Он только окончил четыре класса, когда началась война. В село нагрянули оккупанты, прошили по домам и все подчистую выгребли. Многие помалкивали, опасаясь расправы, а Мартин не умел держать язык за зубами. Он негодовал: «Нас грабят, а мы молчим!» Кто-то донес, и строптивого подростка власти отправили на принудительные работы на ферму, которая снабжала немецкую армию молочными продуктами. Работали там такие же, как Мартин, подростки — пятнадцатилетние, четырнадцатилетние и работали полуголодные с рассвета до темна. Раз в неделю на ферму приезжал немецкий фельдфебель и устраивал смотр. «Бездельники! Твои коровы мало дают молока! — орал он на пастуха Мартина. — Ты плохо помогаешь великой армии Германии, будешь за это наказан!» И наказывал. Однажды, обозлившись, Мартин, едва тот умолчал на мотоцикле, поднял кусок сухой глины с земли и нарисовал на побеленной

стене верхом на корове фельдфебеля. Спустя неделю тот, как всегда, появился на ферме, зашел в коровник: «Ну, покажи свое стадо, пастух!» Обошел коров, остановился рядом, покачался на носках: «Гут, гут...»

— Я стою ruins по швам, а сам глаз не союжу с коровы, которая заслонила стену с рисунком, — вспоминает Мартин. — И тут корова возьми да и отойди в сторонку. Увидел фельдфебель рисунок, аж побавил: «Вас ист дас? Что такое?» — спрашивает. «Корова», — отвечаю. «Сейчас узнаешь, какая это корова!» Плотной затворив двери, он отстегнул пояс и ударил меня тяжелой пряжкой в лицо. Я потерял сознание, а когда очнулся, увидел — дверь снаружи крепко заперта. Значит, он вернулся, чтобы меня добить! Бежать! Но как? Высоко, под самой крышей было маленькое окошко, каким-то чудом я добрался до него, прыгнул с крыши в кусты и помчался, увязая в грязи, по осеннему полю... Еще раньше мы, трое ребят, сговаривались убежать от наших учителей, но не знали, куда бежать. Ведь о положении на фронте не имели точного представления, а фашисты все твердили, будто Москва пала. Ночами, прижав к земле, мы слушали отдаленный гул орудий и догадывались, что фронт близок. И, таясь от людей, в стороне от дорог, целую неделю я шел навстречу этому орудийному гулу. Однажды на рассвете, в тумане, вышел к дороге и увидел длинную вереницу солдат. Кто же они? Решил ждать до утра. А утром слышу, поют, потом кто-то крикнул: «Сережа, иди сюда!» Выглянув из-за куста, я напряженно разглядел солдат и увидел наконец то, что жаждал увидеть, — красную звезду на пилотках. Русские! Кубанцы сгинули на дороге. Меня обступили люди в зеленой, пропыленной форме: «Ты кто, парень?» Я поправил на голове свою деревенскую шапку из овчины и ответил: «Партизан!» Вокруг рассмеялись, а солдат, что сидел в бричке, сказал: «Раз партизан — пошли с нами вместе фашистов бить! А шапка у тебя, братец, добрая, у нас называется кубанкой». Так и шел я с ними, пока не добрался до моих родных мест, и все звали меня не иначе: «Эй, кубанка!» Советские солдаты пошли дальше. Они звали меня с собой, но рядом был мой дом, и я ничего не знал о судьбе родных. На прощание мне подарили звезду с солдатской пилотки, которую я хранию по сей день!

...Я смотрю на руки Мартина Йонаша, большие, крестьянские, трудовые руки, которые умеют пахать землю и рисовать. Да как рисовать! Самая первая выставка, в которой он участвовал, состоялась через семь лет после его встречи с советскими солдатами, она была посвящена 150-летию села Ковачице. С той поры во многих городах Югославии прошли его 30 персональных выставок. Все полки большого шкафа забиты папками, в них Мартин собрал проспекты, каталоги своих персональных выставок, которые состоялись уже в 27 странах мира! Здесь же, на этой полке, он бережно хранит газеты и журналы на английском, русском, французском, испанском, немецком языках, в которых напечатаны статьи о картинах крестьянина из села Ковачице, побывавших во Франции, Швейцарии, Италии, Чехословакии, Австралии, СССР, Финляндии, Голландии, ФРГ и странах Латинской Америки.

Две стены комнаты, где мы беседуем, увешаны отечественными и зарубежными дипломами, и я спросила Мартина, какой из этих наград он дорожит больше всего и почему.

— Вот эту награду — «Золотую маслину» — я получил в 1975 году в Италии от министерства туризма. Мне дали ее за гуманность темы творчества и вклад в дело сближения народов. А через год

в Риме состоялся международный конкурс графиков. К своему несказанному удивлению, я оказался его победителем!

И он рассказал, как это было. Получив «Золотую маслину» в Италии, он и думать не думал, что снова встретится с этой страной. Один из его знакомых, прослышав о том, что в Риме будет международный конкурс мастеров графики, надумал послать свои рисунки. Но, узнав, что в конкурсе будут участвовать такие знаменитости, как Сальваторе Дали, Ренато Гуттузо, Мартин сказал, что не ему, простому крестьянину, тягаться с такими мастерами. Знакомый не отступал и убедил-таки крестьянина послать 10 графических рисунков в Рим. По условию конкурса авторы рисунка должны были скрыться под каким-то девизом, и, недолго думая, Мартин Йонаш подписал их: «крестьянин»!

— Вскоре я получил приглашение в Рим и, попав в роскошный дворец на торжество, честно скажу, растерялся. Здесь были одни знаменитости. Все сидят, волнуются, ждут, что жюри скажет. А я не волнуюсь, мне-то чего волноваться? И вот наконец громко объявляют — первый приз получил рисунок, присланный под девизом «контадино». «Победил «контадино»!» — трижды повторили, приглашая автора на сцену. Все оглядываются, кто, мол, такой этот «контадино»? И тут сидевший рядом сотрудник нашего посольства в Риме спросил: «Слушай, а какой у тебя был девиз на конкурсе?» — «Какой у крестьянина может быть девиз — «крестьянин»!» — «Так это же ты победил, ведь по-итальянски «контадино» значит крестьянин!» Прямо вам скажу, я так обрел, что не сразу смог со стула подняться...

— А можно посмотреть на тот рисунок?

— Отчего нельзя? — Он отошел к шкафу и, вернувшись, бережно положил на стол в изящной рамке рисунок, выгравированный на пластинке из чистого золота! Это был все тот же большенный и большерукий усатый земледelec с мотыгой на плече.

Мартин, разглядывая рисунок, улыбнулся воспоминаниям.

— Там, в Риме, у меня спрашивали: как, мол, вы ищете сюжеты? А что их искать? Они здесь, в моем селе, на земле, где я живу! Весной, земля только проснется, иду в поле, беру ее в пригоршню — вот она, моя главная радость! И кормит она меня и каждый день дарит сюжеты, ты только не ленись, рисуй, Мартин, запомни, что увидел!

Хозяйка дома, круглолицая словачка в пышных юбках, поставила перед нами кофе и большое блюдо свежеспеченных калачиков в сахарной пудре:

— Угощайтесь на здоровье!

Мы взяли по калачику, и Мартин Йонаш с улыбкой продолжил: — Например, этот калач на блюде — сюжет, верно? А как его рисовать? Картина получится только тогда, когда ты увидишь этот румяный калач и расскажешь о нем людям что-то важное, что сумел понять сам.

Тут, прервав рассказ, он всплеснул руками:

— Вы же еще так и не видели мой домашней выставки! Пойдемте, я вам ее покажу.

И он повел нас в холодную половину дома, которая в зимнее время, как во многих домах в стране, не отапливается из-за непомерной дороговизны топлива.

Три комнаты — три периода в творчестве Мартина Йонаша. В первой — не более полутора десятков картин, написанных после окончания войны молодым крестьянином. Мирный пейзаж родных мест — вот и весь сюжет.

— Тогда я подражал художникам, картины которых видел в книгах. Потом понял, мне неинтересно повторять кого-то, и я стал искать свое. Сделал вот эти первые портреты. Сосед увидел, захохотал: «Так это же твой отец, верно?» «Может, он, а может, нет!» — честно ответил я, потому что когда рисовал, то представлял не только своего отца.

Во второй комнате два главных цвета — голубой и белый. Тут стоят две деревянные, крашенные белой краской кровати. Перинки, похожие на огромные сугробы, покрыты покрывалами, искусно расшитыми голубыми узорами. Это — дело рук хозяйки дома. А на стенах царит глава семьи, в картинах которого так много белого-голубого цвета, много улыбки, радости. В городской ванне, поставленной прямо на траве, блаженствует усатый земледelec. Рядом на скамеечке жена держит наготове вышитое полотенце. Вот крестьянин, сдвинув фетровую шапочку на лоб, прилег в тени дерева на межи отдохнуть, но мотыгу из усталых рук так и не выпустил! У печки семья купает розового карапуза. Уж не Ярмилу-солнышко это купают? А натюрморты все сплошь заполнены кукурузой — ее тут целые горы!

— Так ведь у меня и в поле кукуруза царствует, как же мне ее не писать! — смеется Мартин. И он оживленно стал нам рассказывать, какой большой урожай кукурузы собрал в прошлом году на своем поле. На поле этом вместе с семьей он трудится с весны до поздней осени, и только к зиме, когда с крестьянскими работами покончено, Мартин возвращается к карандашам и краскам.

Картины крестьянина из села Ковачице путешествуют по всему миру, прославляя труд и любовь человека к земле. Вот и в эту весну они снова далеко отправятся, на этот раз в Норвегию. А самому Мартину Йонашу недосуг разъезжать по белу свету — дома много дела. Правда, дважды он все-таки покинул село. В первый раз — когда приехал за золотой наградой в Рим. А второй раз — в прошлом году, когда десять дней со своими картинами был у нас в стране. В Москве, в Доме дружбы, на открытие выставки картин, созданных крестьянином из Югославии, пришли толпы людей. Среди них с военными наградами на груди пришли те, кого он так ждал, кого с радостью встречал в незабываемом сорок пятом. И, взглядывая в седоголовых воинов, освобождавших его родину от фашистской неволи, он снова слышал: «Эй, кубанка, пошли с нами...»

...Поздним вечером мы вышли из голубых ворот и сели в машину. Накрапывал дождь, а Мартин словно и не замечал его, улыбаясь, он стоял в ярком свете фар с приветственно поднятой рукой над головою. И мой коллега Банко Джурница задумчиво проговорил:

— Знаешь, о чем я думаю? Неправильно, наверное, говорят, что есть художники-профессионалы, а есть самодеятельные. Я бы сказал по-другому. Одни — художники с большой буквы, другие — нет. И Мартин Йонаш принадлежит к первым!

Белград — Москва.

Ойск Живучести

1

Задумчива Москва весенняя,
Верна заветам и утратам.
С былым фронтовиком беседуем
В саду перед Большим театром.
Сюда приходят по традиции
Однополчане в День Победы:
За их взволнованными лицами
Неугасимые легенды.

Плывут в Большом театре
лебеди —
Великой музыки частица.
В каком хитросплетенном неводе
Взрыв ядерный для них таится?

Задумчива Москва весенняя,
Припомнила приказы, сводки:
Кто был под Курском
в наступлении,
Кто в море был, в подводной
лодке,
Кто партизанил на Смоленщине,
Кто выстоял под Сталинградом...
Морщины — как на камне
трещины.
И Прошлое — с Грядущим рядом.

Задумчива Москва весенняя.
Я другу говорю с укором:
— Вон командир из ополчения,
Он в цехе у тебя. Вахтером!
— Хоть сторожикой будь
на пенсии,
Не вижу никакой потери!
Где ни работать — интереснее,
Чем с доминошниками в сквере.

Задумчива Москва весенняя,
Качнула веточкой скрипичной...
Начальник цеха был рассеянней
В ту нашу встречу, чем обычно,—
Так, словно принимал решение
Полунебрежно, полуваяло.
На грани был самолишения
Привычек всех.
А я не знала.

1

Приучился он жить — ну, не то
чтобы в бедности,
А на уровне маленьких дел,
Запреща мечтам, запреща
потребностям
Выходить за условный предел.
(Запросил он однажды станки
современные
Вместо неандертальских калек,
Но в ответ получил назидания
гневные
От не терпящих «риска» коллег.)
Он привык, что в цеху —
перекрытия серые,

Как в былом фронтовом
блиндаже,
Что трудяги давно в славословье
не веруют,
Притерпелись к прорывам уже.
Он привык проводить
цеховые собрания
По указке одних и других,
Убирая из всех выступлений
заранее
Все, что было критическим в них.

Впрочем, мелкую сошку
хватал он за горло,
Выбивая силком дефицитные
сверла,
Получая частенько такие детали,
О которых другие цеха
не слышали.
Но никак не умел разглядеть он
воочью
Облик скверной помехи,
мешавшей рабочим
Выполнять без аврала заданья
большие.
Что-то было неладное
в сложной машине!
Что поделать он мог
с непонятной помехой?!
Был он только начальником
старого цеха.
Был заботами цеха по горло
загружен.
Был, как Фигаро, сразу
всем и каждому нужен.

Не с кого-то — с него,
надрывая селектор,
Крупно стружку снимал
разъяренный директор:
— Гушин, в цехе вы?
Или в больничной палате?
— Нам не дали поковок!
— Программу дайте!
— Нам не дали литья
Для специфики БАМа!
— Гушин, хватит нытья,
За вами — программа!
— По возможности...
— Нет, сверх любой
невозможности!

Только возраст не тот,
да и силы не те.
«Не убраться ли мне
с изнурительной должности?
Стать... вахтером на пенсии?
Или, как там, — портье?»

Не железное, не чугунное,
А, как будто бы для детей,
Слово кукольное придумано
На чужом языке — «портье».
Гушин чуял: ему навязано,
Чужеродно в его житье

Нечто звонкое, нечто праздное,
Нечто читанное про портье.

Удовольствия карусельные —
С легкомысленными бассейнами,
Ослепительными паркетами,
Расфуфыренными банкетами,
Изобильно-хмельными барами,
Электрическими гитарами.

...Нет, не выйдет сейчас «сверх
любой невозможности»:
Кутерьма заморочила, силы не те!
И махнул Александр
с производственной должности
На работу простого портье.

Как бы в гавань вошел
для штормов незаметную,
Где банкетно-паркетная гладь,
Где помеху в работе,
препону конкретную
Он отныне не будет искать!

3

Я рассказ о Гушине веду,
Потому что работяг немало.
И — на радость или на беду —
С ними я давно себя связала.

Гушин для меня был как аврал:
Как задача выявить начала,
В нем заложенные.

— Воевал,
А теперь мельчаешь! — я кричала.
Силилась в нем разбудить металл,
Распалить огня ширококрылость.
И, когда портье служить он стал,
Я с его смиреньем не смирилась!

Я веду о Гушине рассказ,
С детворой на море вновь
приехав,
Урывая подходящий час
У кухонно-прачечных ковчегов.

...Главное — жилище отыскать.
Мы с хозяйкой торговались долго.
— Десять в день! — она твердила.
— Пять! — предлагала я.

Побойтесь бога!
Ни воды горячей нет у вас,
Ни плиты, ни телефонной связи!
Домик ваш...

Но выраженье глаз
Пресекло меня на полуфразе.
Выраженья страха и мольбы,—
Нечто вроде сплава тьмы и света;
Выраженье, для худой судьбы
Характерное.

Я знала это.

Было также выраженья рук —
Крепких и бугристых,
словно камень.

Весь мирок, воздвигнутый вокруг,
Был сработан этими руками.

Зло не здесь, где дышит
вечный труд.
— Ладно, — я сказала, —
мы толкуем
О десятке в день?
Детишки ждут.
Сумму вы получите такую.

И тогда убогое жилье
Обвела она свободным взглядом,
Показав на главное свое,
За окном, богатство:

море — рядом!
— Море — рядом! —
Так, без лишних слов,
Объяснила мне мою удачу:
Получаю я не только кров,
Море получаю я в придачу!

Море рядом.
Я вникаю в ритм
Непреодолимого прибора.
«Изменять природу! — говорим. —
На нее воздействовать!»

Другое
Правильнее, чтоб любой из нас
Дал обет — и не посмел
нарушить —
Убереечь красу земных богатств
С их живым воздействием
на душу!

Море рядом. Жизни благодать.
Ребятишки к дали корабельной
Рвутся, ибо им дано вобрать
Ритм ее бессмертной колыбели.

4

...Но однажды выпал день, когда
На меня негаданно свалилась
Самая обычная беда:
У внучонка выявился вирус,—
В этот день Сережа заболел.
Мать его, не ведая об этом,
С ворохом больших и малых дел
Убежала из дому с рассветом.

День прошел.
К полуночи стемнело.
Или, может быть, уже светало...

В прозрачном мире ночи белой
Мерцали голубые скалы.
И, распахнув простор наядам,
Русалкам крылья притороча,
Мерцало море синим взглядом
В прозрачном мире белой ночи.

Не правда ли, была я сильной,
Не правда ли, была я смелой

Давным-давно, под взглядом синим
В прозрачном мире ночи белой?!

Не правда ли, всегда и всюду
Меня хранят живые очи
Высоких звезд, подобных чуду,
В прозрачном мире белой ночи?!

Не правда ли, еще на свете
Для мирных рук немало дела...
Пусть только не болеют дети!

В прозрачном мире ночи белой
Пансионаты утихали.

Некто приближался по дорожке.
Я сказала:

— Дочка неплохая.
Родилась она в момент бомбежки...
Чудилось тогда, что я в аду,
Что для бомбы нет

другой мишени.
И порой у дочки не в ладу
Быт реальный и воображение.

Некто был курносый, как Сократ,
Важный, как священная корова.
Источал он бодрый аромат
Шашлыка и рыбного улова.

Из глубин крутого аромата
Формула исторгнута была:
— Дочь твоя права и виновата,
Ибо в каждом — смесь добра и зла!

Я спросила:
— В чем ее вина?!

В том, что в мире атомной тревоги
К вечным звездам тянется она,
К рериховской дали, к тайнам йоги?!

Некто был — пускай меня простят,
Если я сужу излишне строго,—
Средних лет напористый толстяк
С репутацией солидной йога.
Он мне терпеливо разъяснил,
Что мои заботы, неудачи —
Столкновение злых и добрых сил —

Вне конкретной цели и задачи,
Что любой живущий — лишь сырье.
И что бомбы, на Москву обрушась
В час рожденья Тани, зло свое
Ей перебазировали в душу!

«Вот уж, — я подумала, — помог
Дочери моей поборник йоги!
Вот уж, — я подумала, — пинок
За ее наивные восторги!..»

«Неотложка».
Нас малыш не встретил
Криком. Лишь раскачивался вяло.
— Так себя укачивают дети
Брошенные, — докторша сказала.

С ловкой профессиональной нежностью
На руки она взяла Сережу:
— У тебя, мой милый, зубки режутся!
Ни на что другое не похоже.

5

Гущин понял:
дождик ли, метель,
Больше постояльцев или меньше,
Никакого дела для портье
Нет.
И не предвидится в дальнейшем.
Лишь тарачись на телеэкран,
Или лазай взглядом по газетам,

Или... думай.

Каверзный изъяс
Обнаружил он в себе при этом.
Обнаружил, что привык читать
Только для поверхностной утехи,
Наискось проглядывая печать
По дороге к суматохе цеха.

Но сейчас, наверно, потому,
Что досуга было сколько хочешь,
И еще, наверно, потому,
Что стояли в окнах звезды ночи
И, казалось, тени прошлых лет
Входят в ресторан и в каждый номер,

Он иное чтение газет,
Дивно увлекательное, вспомнил.

Отступила нынешняя полночь,
Засветились школьные года.
Был тогда не Александр Миронович —
Сашка Гущин был тогда.

Стал Сашка членом комсомола
И многого сумел достичь.
Помог ему директор школы,
Новиков Иван Кузьмич.

Говаривал Иван Кузьмич,
Что спорт — помощник, а не бич,
Что, как под лупой, в сфере спорта

Заметно, кто какого сорта.

Позднее, хмурая брови жестко,
Не на расклад спортивных сил —
На всю планету обратил
Иван Кузьмич умы подростков.

И юношеским взглядом зорким
Через газетные листы
Увидел Сашка новостройки,
Мадрид, фашистские костры.
Почуял Сашка каждым нервом
Мир многих дел и многих зол.
Из института в сорок первом
Он в ополчение ушел.

Портье сутуловатый, сивый,
В своем углу ютясь, как крот,
Дивился: где же тот пылливый
Парнишка, Сашка Гущин тот?

Решаясь как бы на экзамен,
Забыв про тишь да благодать,
Подслеповатыми глазами
Портье газеты стал читать,
Он слов особенных, заветных
Ждал, словно путеводных вех.

И по ступенькам строк газетных
Он мысленно вернулся в цех,
В котором было все, как раньше:
То сверл нехватка, то литья;
Он расчихвости отстававших,
Он болтунам не дал житья;
Добился выполнения плана,
Ушел домой в рассветный час...

Очнулся он.
Из ресторана
Ночная музыка лилась.

«Вход до одиннадцати ночи», —
Гласила надпись на щите.
Самоуверенный молодчик
Раскрыл бумажник для портье:
— Ты не останешься в обиде,
Возьми десятку на бокал!

Так Гущин пред собой увидел
Помеху ту, что он искал:
Реальность вкрадчивой повадки,
Приспособленчества елей,
Предложенной привычно взятки,
Незаработанных рублей.

— Катись, отродие проклятых
Видений, рюмочных чертей!
Ты — не в Соединенных Штатах,
А я — не тамошний портье.
Взглянув на гневного верзилу,
Бездельник горсточкой ума
Сообразил, что здесь грозила
Ему История сама.
Удрал, кляня свой жест широкий,
Во всю, как говорится, прыть,
Чтоб в следующий раз стороной
Портье угрюмых обходить.

6

Мне Гущин каждую неделю
Звонит, подавлен, раздражен.
А я не верю, что в безделье
Он беспросветно погружен.
Твержу:

— Не может быть такого!
Повсюду ворох дел у нас!
Лишь оглянься вокруг толково,
Увидишь: нужен глаз да глаз!
Твержу:

— В любой унылой участи
Есть все-таки живая нить.
Отыщешь свой «отсек живучести»,
Себя сумеешь проявить!

«Отсек живучести» — название
Из терминов подводной лодки,
Где нет рассветного сияния,
Немыслим даже день короткий.

...Веками формула,
искомая
Толпой, мятущейся нелепо, —
«Отсек живучести», из коего
Есть выход под крылатость неба;
Веками формула, искомая
В нужде, подавленности, горе, —
«Отсек живучести», из коего
Есть выход на крылатость моря...
Одолевай уныние рабское,
Ищи просвет в завесе хмурой!

Так размышляла я, карабкаясь
Вослед за Настей и за Юрой,
За капитаном, пригласившим нас
Войти вовнутрь подводной лодки.

Мы еле втиснулись в насыщенность
Приборов, электропроводки,
Торпед, моторов, коек узеньких.

Мы — в жерле современной сказки,
Мы — в мире добровольных узников

Пучин морских и океанских.
В нем есть возможность превращения
В ответ на вызов в наглом стиле
В подлодку гневомизмещения,
Беспрецедентного по силе!

Творение эпохи сложное
Детишкам было как находка.
И Юра восклидал восторженно:
— Вот это да! Вот это четко!
Я размышляла, что тревожная
Эпоха — к бою подготовка.
А Юра восклицал восторженно:
— Вот это да! Вот это четко!

Из порта мы вернулись запоздно
Под кров уже привычной дачи.
Детишкам день казался радостным,

А мне он виделся иначе:
Без легких обещаний милости
Несчастливым племенам земным.

...Любые беды можно вынести,
Но только б не было войны!
Прошли сторожевые катеры
Сквозь грани светлого кристалла.
Детишки спали.

Я приятелю
В Москву послание писала,
Что от безделья, мол, не мучайся,
Оно, мол, не в твоей природе,
Что, может быть, «отсек живучести»

Остался на родном заводе.
Не будь на положении беженца,
Раз ты прошел огонь атак.
...Не у тебя ли зубки режутся?
Хоть поздно, но бывает так!

7

А он и сам желаньем острым болен —
Вернуться в цех из тесного мирка.
Но вроде бы еще не подготовлен —
Так, словно новых фондов нет пока.

Бывает, подвернется робкий случай,
И ты в один-единственный момент
Свои дела поймешь гораздо лучше,
Чем понимал в течение многих лет.

С недавних пор в своей конторке Гущин
Стал представлять себе отрадный миг,
Когда войдет случайность в день текущий
И спросит: «Как живешь, старик?»

Она пришла.
Не к Гущину сначала:
Портье не вправе комнаты давать;
И не о комнате мечтала —
О койке. Переночевать.
Была одета небогато,
Стояла, сумку теребя.
Ей отказал администратор,
Не видя пользы для себя.
Обычно Гущин в смутные заботы
Не лез, не проявлял служебный пыл.

Но вознамерился он сделать что-то,

Поскольку женских слез не выносил.

Он стал звонить в гостиницы другие —
Народ гостеприимный москвичи —
И, наконец, не где-нибудь —
в «Берлине»

Для девушки ночлег заполучил.
В нем было неразборчивое чувство,

Не сразу уяснил он, почему
Она опять в его дежурство
Пришла.

И подошла к нему.

Букет сирени подарила —
Добро бы редкое вино!
Как будто был он балериной
Иль Штирлица играл в кино!

Мог ветки высмеять он лихо —
Бывал порою груб и лих, —
Но девушка сказала тихо:
— Пожалуйста, примите их.

Они красивая награда
За то, что вы чисты душой
И поступаете, как надо,

«Донести всю красоту русской песни»

Овеяно легендами имя Василия Дровяникова — замечательного русского певца. Кубанцы бережно хранят память о своем знаменитом земляке. Давно собирает сведения о его судьбе учитель села Великовечного Н. Швец, свой поиск ведет Г. Подопригора из города Георгиевска.

Поздней осенью 1917 года в Майкопе собрались представители сел и станиц — им предстояло выбрать делегата в кубанскую раду. И вот съезд открылся. Из дальних рядов зала поднялся смуглолицый солдат-фронтовик. Он сказал:

— Организаторы съезда повторяют вранье контрреволюционеров. Я был в окопах! Я тоже братался. Ни русскому, ни немецкому простому человеку война не нужна!

Это был Василий Дровяников, сын батраков и сам батрак, а потом воин революции, вожак красногвардейских отрядов, партийный работник... Но он был еще человеком искусства — прирожденный певец. В детстве обнаружился его незаурядный талант, хотя детство было тяжелое. В тесной хате Дровяниковых подрастало пятеро детей, и нелегко было родителям... Однажды Василий прибежал домой с радостным криком:

— Папаня! Маманя! Меня приняли в церковный хор! Я буду певчим!..

Отец ответил горько:

— Ты с матерью уже пристроили тебя: пойдешь подпаском. Нам подмога будет...

Но мальчик не забывал о песне, и, когда ему купили наконец старую гармошку, радости не было предела.

После гражданской войны дру-

А. М. Горький и В. Е. Дровяников в Сорренто. Май 1928 года.

зья добились того, что Дровяников был прослушан в Краснодарском музыкальном институте. Ему сказали, что он обладает басом колоссального диапазона, а это является исключительной редкостью.

В статье «Дорогу самородкам!» краевая газета «Красное знамя» в декабре 1923 года писала о голосе, исключительном по красоте и силе. «Товарищ В. Е. Дровяников, член РКП, исполнил балладу «Беглый» и другие вещи. Голос гремел, наполняя все закоулки клуба, неблагоприятного для акустики и в неблагоприятной для певца обстановке», — гласила рецензия.

Дровяников сразу же, после первой пробы, был принят в Московский музыкальный техникум, а затем в студию Большого театра Союза ССР. Ему назначили персо-

нальную стипендию. Прошел Дровяников еще и двухлетнюю певческую школу у Евгении Чернышовой. И вот, наконец, учеба закончена; певец по конкурсу принят солистом в Большой театр.

А. М. Горький, услышав редчайший голос, был поражен его мощью. «Все это, — писал он, — похоже на сказку, но не из тех, что сказываются от нечего делать, а из тех, что реально делаются». Алексей Максимович еще и от себя лично учредил персональную стипендию Василию Евдокимовичу и с тех пор следил постоянно за дальнейшим развитием талантливого певца.

Дровяников был направлен в знаменитую Миланскую консерваторию; характеристику-рекомендацию подписал А. В. Луначарский.

Два года певец учился в прославленной консерватории име-

Поиск продолжается...

Некоторое время назад на наш стол легла газета «Терек» от 18 августа 1930 года. «Дровяников, — читаем мы здесь, — является известным на Терекке как партизан и участник организации Советской власти. Он здесь работал в самый трудный момент вооруженной борьбы за утверждение нового строя. Был он членом окружной ЧК и начальником штаба полка имени Ленина».

Следующий шаг поиска — сбор сведений о самом пятигорском полке имени Ленина. Как сообщили нам из Центрального музея Вооруженных Сил СССР, это одна из первых в стране воинских частей имени вождя революции. С помощью ветеранов гражданской войны удалось установить, что в названном полку служили многие георгиевцы. Воспоминания ветеранов позволяют проследить путь полка: он показал об-

разцы беззаветной храбрости и воинской доблести в боях с бело-гвардейцами.

А какова же судьба начальника штаба полка? Судя по учетным данным Центрального партийного архива, Василий Евдокимович Дровяников не раз участвовал в кровавых схватках с врагами революции. Он был не однажды ранен. Последний раз — у стен Георгиевска. Отсюда он был эвакуирован во Владикавказ. Надежные люди уберегли Дровяникова от ищеек белой контрразведки... Залечив раны, он отправился в родные места, на Кубань, и сразу же включился в подпольную работу.

Подробных сведений об этом периоде героической борьбы одного из организаторов полка имени Ленина собрать пока не удалось. Но и частичные данные, найденные в архивных учреждениях Кубани, позволяют судить о Дро-

вяникове как о человеке подви-га. Вернувшись на Кубань летом 1919 года, Василий Евдокимович под видом коммерсанта устраивается на работу в потребительский кооператив, который и стал для него легальным прикрытием. За несколько месяцев он создал хорошо законспирированное подполье. Правда, контрразведка вышла на след Дровяникова, но в управлении екатеринодарского воинского присутствия был надежный человек, Григорий Осипов, снабжавший подпольщиков липовыми документами. Рискнув жизнью, писарь Осипов заверил документы и фотографию Дровяникова на вымышленное имя Алексея Котлярова. (Пройдут годы, и ответственный сотрудник Кубано-Черноморской ЧК В. Е. Дровяников подтвердит это официальной справкой.)

Считанные недели спустя после возвращения Красной Армии на Кубань Василий Евдокимович возглавил в Майкопе окружную ЧК.

Еще через три года испытанный большевик был выдвинут на ответственную работу в оргот-

Чтоб людям было хорошо.
Принципиальный и тактичный,
В ладу с хорошими людьми...

Такое щебеча по-птичьи,
Она исчезла за дверьми.

Исчезла наподобье легкой тени
Навек из поля зрения портье.
Оставив на конторке взмах сирени
И Гущина — на гордой высоте:

На главной выси многих
поколений,
Что выше и светлей любых
вершин, —
Когда находишь ты в себе уменье
Проникнуть в сложный мир
другой души.

Наивные слова ему раскрыли
В поступке тонком трепетность
струны,
Старание одеться в модном стиле,
Под стать красавицам своей
страны.
Старанье скромной быть...
и элегантно!
Способной на нетривиальный
жест.

Он видел мысленно костюмчик
ладный.
(Кто смастерил? Чита? Калуга?
Брест?)

И мысленно увидел он таких же
Упрямых выдумщиц в цеху своем:
«Таких и не отыщете в Париже,
Поднимем цех — полнее

заживем!
В успехах общих — часть твоей
удачи,
А в бедах общих — часть твоей
вины».

Поднимем их — и заживем иначе.
Но только б не было опять
войны!»

Решил он, будто из штормов на
сушу
Попав и снова собираясь в путь:
Тот в мире капитан, кто может
в душу
Любого из команды заглянуть!

«...Но ты потонешь в бездне
неполадок,
Наперекор течению гребля!»

«Однако надо приводить в
порядок
Отсталый цех.
И самого себя!»

«Но ты уже совсем, совсем
не молод,
Тебе подходит больше тишь да
гладь».

«Иные ветераны серп и молот
Умеют в трудовых руках
держаться!»

Он понимал, что истинную цену
Всех слов и дел определит
народ...
В столице проходил июньский
Пленум.
Трудился восемьдесят третий
год.

...Шагал он заодно с рабочим
людом,
Немного сдвинув кепку набекрень.

И для него торжественным
салютом
Вздыхалась к небу белая сирень.

1983—1984 гг.

ни Джузеппе Верди, шлифуя природное дарование, обретая мастерство. Европейская музыкальная общественность сравнивала Дровяникова с такими светилами, как Шаляпин, Баттистини, Титта Руффо... А. М. Горький по-отечески опекал певца и в Италии. Одна из их встреч запечатлена на фотографии, которую хранят жители села Великовечного как самую дорогую реликвию.

Кубанские газеты постоянно рассказывали своим читателям об успехах артиста, да и сам Дровяников не терял связи с родной землей. 3 марта 1929 года Василий Евдокимович из Берлина писал в «Красном пахаре»:

«Дорогие товарищи и земляки! Примите сердечный пролетарский привет! Рвусь всей душой туда, к вам, в родные края... Само собой разумеется, что после первого отчета в Москве, который будет в конце апреля, я сейчас же приеду в Майкоп, чтобы дать концерт для своих земляков, поведаться со старушкой матерью и друзьями. Думаю, что нам удастся сделать концерт на славу».

И действительно, концерты для земляков в Краснодаре, Майкопе и особенно в родном селе Великовечном были, пожалуй, главным отчетом певца.

Возвратившись в Большой театр, Дровяников работал с неиссякаемой энергией. «Я должен донести всю красоту русской песни, агитационную мощь революционных баллад и романсов», — говорил певец. Характеризуя его дарование, А. В. Луначарский особо подчеркивал, что само воздействие музыки в исполнении Дровяникова огромно.

Талантлив певец был во всем; он выступал и как композитор — им написаны баллады и романсы, в том числе «Нивушка» и «Тяжелые годы», исполняемые им и на сцене Большого театра и в открытых концертах... А когда началась война, Василий Евдокимович, не подозревая, что он неизлечимо болен, рвался на фронт.

Но не суждено было...

Сегодня именем артиста названа улица в селе Великовечном.

Н. ШВЕЦ

дел ЦК РКП(б). А потом случилось такое, что бывает, пожалуй, только в сказке. Друзья обратили внимание профессиональных музыкантов на необыкновенно красивый, сильный бас Дровяникова. А ведь Василию Евдокимовичу было уже за тридцать. За спиной только трехклассная сельская школа. Так какой же силой воли надо было обладать, чтобы согласиться уйти с ответственной работы (которую он, кстати, совмещал с учебой в музтехникуме) и предстать перед комиссией по отбору в оперную студию... Так заново повернулась судьба.

К сожалению, редкий голос мало записывали... Почитатели таланта Дровяникова сберегли лишь несколько дисков. Правда, один из них удалось переписать на магнитофонную ленту. Мы получили возможность не только рассказывать посетителям нашего музея о замечательном певце, но и воспроизводить его необыкновенный голос.

Г. ПОДОПРИГОРА,
председатель Совета народного музея

вернисаж «огонька»

«Моросит».

Фото Р. Агасьянца (Москва)

«Правая сторона» — сторона души

Валерий ПОВОЛЯЕВ

«Правая сторона» — так переводится на русский язык название Йемена, страны, в которой мне недавно довелось побывать.

Если быть точнее, я побывал в Северном Йемене — Йеменской Арабской Республике. Почему правая? Да потому, что если, находясь в центре Аравийского полуострова, встать лицом к востоку, то Йемен будет находиться по правую руку...

I

Перед отъездом в Йеменскую Арабскую Республику я прочитал в журнале «Нева» заметку востоковеда О. Герасимова о Сане, и в частности о нынешнем здании советского посольства, ухоженном и уютном. Сотрудники добровольно, не считаясь с временем, следят за зданием и особенно за садом — зеленым, благоухающим, в котором живут не только разномастные певчие птицы, а и даже грозные, остроглазые горные орлы, бурчливые, любящие коротать ночь на макушках высоких деревьев. Что их привлекает сюда, почему они прилетают ночевать именно на деревья — неизвестно. В саду есть и ореховые деревья, уже плодоносные. Любителю-добищику дают длинный, достигающий до самой макушки бамбуковый шест — можно сбить пару крупных, обернутых почерневшей кожурой грецких орехов, раздавить их друг о друга, полакомиться.

Но суть не в ореховых деревьях и не в экзотических цветах, которых здесь полным-полно, не в тростниковой плуще, что вымахала в три человеческих роста, и не в грозных орлах, нашедших приют на посольских деревьях, а в особняке, что стоит в центре посольской территории. После революции 26 сентября 1962 года особняк был передан нашим дипломатам.

В стране, и в частности в самой Сане — столице, тогда только-только переведенной из Таиза, было неспокойно, в разных концах города громыхали пулеметные очереди, свистели пули, осколки, небо окрашивала яркая желтизна взрывов, случалось, что свинцовые плоские пули и стальные занозы впились в крышу особняка, переданного советскому посольству, в мягкие туфовые стены: монархисты стремились поднять революцию, взять свое, швыряли бомбы, не ленились лишний раз нажать на спусковой крючок автомата, норовили посеять страх, заставить людей дрожать. Обычная это история...

О. Герасимов в тревожные ночные часы, оставшись один в особняке, разбирал бумаги, грудой валявшиеся на полу, книжные лохмотья — перед этим здесь располагалась казарма, и солдаты, уходя, постарались, чтобы все бумаги превратились в обычную рвань, в ничего не стоящую макулатуру. Но среди рванья оказались и целые бумаги — до казармы здесь находилась резиденция принца.

Среди брошенных бумаг О. Герасимов нашел вещь совершенно неожиданную: фотографию миловидной русской женщины, с простым задумчивым круглым лицом, с внимательными глазами. В том, что это была русская, не было никакого сомнения: наискось шла надпись «Не забудь твою Ludmilla, которая тебя очень-очень любит. С.-Петербург. 1.IV.04». Стоял также штамп Петербургского фотоателье Александра Семеновича. Верхний левый угол был помечен припиской: «Людмила Волкова». Кто эта женщина, Людмила Волкова, как она сюда попала, в эту далекую

Южную Аравию, за семь тысяч километров от Петербурга? Выяснилось, что миловидная русская женщина — жена Рагиб-бея, исполнявшего у знаменитого имама Яхьи обязанности министра иностранных дел.

До того Рагиб-бей был наместником турецкого султана в Йемене, но потом перешел на службу к имаму. О. Герасимов постарался разыскать людей, знавших Рагиб-бея, в частности нашел зубного врача Муттахира Аднана, который рассказал, что Рагиб-бей приехал в Сану из Стамбула с крупной светловолосой женщиной, не знавшей арабского языка, разговаривал с ней только по-французски. Людмила Волкова родила двух девочек, одна из которых, Азиза, стала женою принца Касема. Трехэтажная туфовая вилла, переданная йеменским правительством нашему посольству, и была резиденцией Касема. Сразу стало понятно, откуда здесь оказался фотоснимок миловидной русской женщины.

Известно, что один из первых торговых договоров, заключенных с капиталистическими странами, Советский Союз заключил с Йеменом. Произошло это в 1928 году. Вполне возможно, что, тоскуя по родине, по белым ночам Севера и берегам Невы, Людмила Волкова подсадила мужа, а тот, опытный дипломат и умный человек, опасавшийся англичан, — имаму Яхье, что надо установить отношения с нашей страной. И когда имам дал добро, Рагиб-бей от его имени подписал договор.

Кто знает, кто знает, так это было или не так? Может быть, и есть, хранятся где-то документы, способные пролить свет на загадку жизни Людмилы Волковой. Она умерла в начале тридцатых годов, и где находится ее могила — неизвестно. Может, в Стамбуле, может, в Париже, может, в Сане, а может, и в Ленинграде — поди сейчас отыщи.

Что-то щемящее невольно берет в клещи, мешает дышать, когда думаешь о судьбах русских людей, вынужденных в силу обстоятельств расстаться с родной землей и, не смотря ни на что, хранящих ей верность, помнящих и материнские песни, и могилу отца, и цвет неба над близкими, до боли в сердце близкими и милыми полями, и старающимися, когда родной земле бывает трудно, сделать хоть что-то, хоть самую малость хорошего, помочь ей. Думаю, именно к данной категории людей принадлежала и Людмила Волкова.

Советский посол в Йеменской Арабской Республике О. Г. Пересыпкин — тонкий знаток Востока, в частности востока арабского, автор нескольких книг, доктор наук, он заинтересован в том, чтобы о здешней земле больше писали, почаще приезжали литераторы и журналисты, то есть работали не только «хубару руси» — советские специалисты, а и те, кто мог бы рассказать об этом крае на газетных либо журнальных страницах, протоптать тропку в местах, которые доселе считались практически нехоженными, наладить сотрудничество в области культуры, кто мог бы рассказать и о появлении алфавита, о президенте республики Али Абдалла Салехе — молодом, обя-

тельном (его я видел на параде), о здешней архитектуре, не похожей ни на какую другую, и о печальных лиловых закатах в горах.

У каждого народа есть много интересного, о чем должны знать другие люди. И пишущему человеку тут полный простор.

— В 1928 году, как известно, обстановка была тревожной, на нашу страну пытались давить, взять ее в экономические тиски, — голос у О. Г. Пересыпкина спокойный, какой-то обстоятельный, — было немало провокаций, грохотали взрывы на Дальнем Востоке, погибали дипкурьеры, и каждый наш человек, даже мирной профессии, считал себя красным солдатом. С предложением заключить договор к нам обратились посланцы имама Яхьи. К этому предложению в Москве отнеслись с некоторым сомнением: а не пахнет ли это английской провокацией? Поколебавшись некоторое время, отправили в Йемен своих представителей. Поняли: нет, тут все искренне, честно. После переговоров в Ходейде было открыто генеральное агентство Советского Союза с полномочиями посольства. Причем, надо заметить, многие из первых сделок были заключены устно... Ведь купцы здешние зачастую были неграмотны. Производилась сделка так: приглашалось два купца-гаранта — свидетели, так сказать, — обговаривалась поставка из Советского Союза партии леса или, допустим, керосина, и стороны хлопали друг друга по рукам. Мы привозили лес, керосин, спички, другие товары, и не было случая, чтобы йеменские партнеры обманули нас. Советский Союз подарил в те трудные годы Йемену зубо-врачебный кабинет, его установили в Ходейде, в больнице, подарил уайжок, что давал свет этой самой больнице... А знаменитый глубоководный порт на Красном море ходейдинский? Это ведь тоже наша стройка, уже недавняя.

Земля Йемена вулканическая. Когда едешь в горах, видишь следы потоков лавы — то там, то тут тянутся выгоревшие когда-то поляны, в пустыне Тихама из-под земли бьют горячие воды — тоже признак того, что в земной глубине происходят некие перемещения, творится, так сказать, жизнь, опасная для человека... Поэтому здесь и стряслась беда: по стране волною прокатилось землетрясение. На помощь пришли все, кто мог. В том числе и наши специалисты — врачи, вертолетчики. Пятьдесят советских людей дали свою кровь тем, кто пострадал, из Москвы пришел самолет с питанием, медикаментами и палатками. Прибыла группа наших специалистов, которые осмотрели места землетрясения и дали свои рекомендации по возведению сейсмостойких домов. В то же время мы пригласили группу йеменских строителей к себе, в Ташкент, показать, как выглядят, как «работают» такие здания. Кроме того, мы безвозмездно поставили арматурную сталь и древесину. А древесина, как известно, дорогой материал в Йемене, лесов тут нет. Капиталистические страны тоже оказывают помощь, но при этом диктуют: должно быть сделано то-то и то-то. Мы же передаем материалы йеменцам, а дальше — никакого диктата: йеменское правительство по своему усмотрению использует дар. Кстати, бывали случаи, что приходил откуда-нибудь, в частности из ФРГ, самолет с грузом, предназначенным пострадавшим, вокруг самолета поднималась громкая шумиха — вот она-

А. Лопухов. АРЕСТ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

А. Лопухов. ПОБЕДА.

де, настоящая помощь, а в самолете находилось то, что стране вовсе не было нужно, издержки производства, копеечный груз: пластмассовые тапки и канистры либо какие-нибудь безделушки. Шума много, а проку мало...

Я запомнил слова О. Г. Пересыпкина о том, что на землетрясении хорошо работали наши вертолетчики-инструкторы, которые по линии «Авиаэкспорта» учат йеменских пилотов летать, и позже встретился с двумя из них...

II

...Тот декабрьский день был не то чтобы неаппетитным, а каким-то ненормальным: прыгали температура, влажность, воздух был нервным, электрическим, откуда-то из глубины аравийских пустынь принесся горячий стремительный ветер, приволок с собою гору секущего, остро, как наждачное крошево, песка, сбросил с вертолета на дома, на людей и машины. Тревожно, горловыми тоскливыми голосами завывали собаки, перекликаясь друг с другом, жаловались кабысдохи на что-то свое, им только ведомое, затихали на некоторое время, чтобы отдышаться, а затем снова начинали выть — горько, пугая людей, вышибая у иного ходока муравьиную сыпь на коже, слезы изпод век, вызывая внутреннюю дрожь. Происходило что-то такое, чего люди не могли понять, уразуметь: это находилось выше обычного понимания.

И небо было недоброе, мутно-желтым, чужим, вспыхивали в нем какие-то таинственные огоньки, разгорались ярко, светили некоторое время будто электрические лампочки, потом медленно гасли.

Люди выбегали на улицу, тревожно всматривались в небо, прислушивались к гулу недалекого моря, загорелые лица делались серыми от предчувствия чего-то очень худого, чудного человеческого естеству.

Советские летчики-инструкторы, специалисты «Авиаэкспорта» Александр Денисенко и Владимир Михайлов приехали с аэродрома домой перекусить и не успели еще сесть за стол, как в дверь постучали. Открыли — на пороге стоял борттехник вертолета «Ми-8» Султан Абдул Азиз. Борттехнику можно было ничего не говорить, по глазам его сразу стало ясно, что произошла беда, — глаза были выделены болью, сделались плоскими, незнакомыми, и лицо стало незнакомым, словно и не их товарищ по полетам в выцветшем от солнца и морской соли комбинезоне стоял на пороге.

— Что случилось? — уточняя, что за беда, спросил шепотом Денисенко, ему показалось, будто погиб кто-то из близких, из своих же ребят-инструкторов, заплутал в горах, врезался на машине в каменную стенку.

Султан Абдул Азиз обернул рукою лицо, словно некую напильную паутинную пленку снимал, помассировал пальцами лоб и щеки.

— Землетрясение. В горах. Люди погибли, — едва внятно произнес он, потом изо рта его вырвался какой-то странный, незнакомый клекот.

Денисенко и Михайлов мигом вынеслись на улицу, бортмеханик за ними следом, прыгнули в машину и уже через несколько минут были на аэродроме. А еще через несколько минут подняли свои вертолеты в воздух.

Было душно, с моря летела мелкая клейкая пыль, когда она попадала сквозь открытый бустер — круглую «форточку» кабины — в вертолет, то во рту делалось горько, в глотке образовывалась пробка. Серая морось тянулась из ущелий, она была схожа с дымом пожара — тяжелая, мешающая дышать, вязкая. Эх, проветрять бы ущелья, ведь ни черта не видно — ни зеленого дна, ни опасной близости ноздреватых каменных стенок, вышелушеченных, докинчивно обработанных ветром и дождями, — так мутно и темно, что даже собственного хвоста и того не разглядеть. Ну и погодка-а!

А потом неожиданно перед михайловским вертолетом рухнуло что-то черное, обвальновязкое, непроглядное. Стало понятно, что в Дамар — центр провинции, куда они летели, этим ущельем не пройти, надо выбирать другой путь. Связавшись по радио с Денисенко, Михайлов повернул вертолет назад. В темноте проделали трудный обратный путь. Выбрались

к горловине ущелья, где немного посветлело, сбросили высоту и пошли над мутно-желтыми барханами Тихамы, обогнули город Баджилль с высокой дымящейся трубой цементного завода, вторая труба, напичканная электронной, различными очищающими устройствами, еще не работала, взвинтились в горловину второго ущелья. Они решили подойти к Дамару с другой стороны.

В этом ущелье, длинном, извилистом, будто оно было прорублено по специально наметченному следу, кое-где озелененному, кусты и деревья росли только там, где тускло мерцали водяные зраки, схожие с глазами, врезанными в гранитное лицо, скалы были коричнево-темными, с мокрым блеском, опасными и проносились совсем рядом с вертолетом, — в этом ущелье было чуть посветлее. Иногда, вспугнутый стуком двигателя, в сторону бросался какой-нибудь зверь, исчезал в узкой черной расщелине. Встречалось много свежих ломин, трещин, каменных насечек.

Михайлов летел и молил небо, землю, начальство, людей, самого себя, чтобы на пути снова не попала черная обвальная мгла, и, видать, молитва дошла до адресата — вертолеты Денисенко и Михайлова пробились в Дамар.

Приземлились на маленьком, не больше крыши дома, пятачке, выбрались из машин.

— А американцы-то, американцы... Видел? — просипел Денисенко, тронул рукою горло. В Ходейде было жарко, брюки и рубашки там насквозь промокали от пота, а в ущельях, в горах холод стоял такой, что зубы невольно выстукивали барабанную дробь, вот Денисенко и успел уже простудиться, сипел едва слышно. — Видел американцев?

— Видел. Ну и что?

— Мы поднялись, пошли на выручку, а они хоть бы хны. Сидят у себя в коттеджах, кофе пьют. С-спокойные! — Он хмыкнул. — Не-не хотелось бы проводить параллели, но... Сам понимаешь.

— Понимаю.

— Так к своим «тутольфам» и не подошли. Американцы летали на «тутольфах» — итальянских машинах, вертолетах хороших, надежных, внешне красивых, но уступающих, как считали Михайлов и Денисенко, нашим «Ми-8».

Дальше уже было не до американцев — подумаешь, чистоплюи, меру своей искренности определяющие лишь долларами, думать о них — только огорчаться, а огорчений, черных красок, беды тут и без американцев было предостаточно, тем более что вскоре они все-таки появились — привезли на «тутольфах» группу журналистов, позировали им на фоне развалин, улыбались, но в этих улыбках было что-то кощунственное, вызывающее изжогу, недоуменный хрип в груди: улыбки выглядели насмешкой над чужою бедой.

А Михайлов и Денисенко работали, как говорится, по-черному, потеряв счет минутам, часам, дням, летали зачастую вслепую, в серой декабрьской мгле возили раненых в Сану. Иногда перевозили по двести человек в сутки. В зоне Михайлова (у каждого вертолета была своя зона) насчитывалось двадцать две деревни. Часть из них вообще была сметена подчистую, от домов остались лишь жалкие крошечные кучки камней да вытопанные людскими ногами пятачки — следы бывших коммат, загонов для скота, обломки утвари, смятые железки — и все. Иногда, пролетая над иззубренной макушкой какой-нибудь горы, Михайлов видел страшные длинные следы-выбоины на каменных склонах, схожие с руслами рек, по которым никогда не текла вода. Это с вершин срывались огромные, величественные с двухэтажное здание, камни и, набирая скорость, неслись вниз, плюща, круша, подминая на пути все подряд. Если на пути попадался дом, то в воздух только пыль взлетала, да еще мелкое гранитное крошево — ничего не оставалось от дома... И где уж тут было уцелеть людям.

И тем не менее каждый завал тщательно разбирали, из каменных нагромождений извлекали людей. Как правило, мертвых.

Слезы невольно застревали в глотке, в груди что-то поскрипывало деревянкой, крик усылал, не успев вырваться наружу, когда Михайлов видел мертвых. Случалось, что мертвой оказывалась целая деревня. Деревни-то в горах лепятся на боковых нах и выступают скал,

на каменных площадках и полках либо вообще забираются на макушки «пупырей».

Стоило только земле малость встряхнуться, как целые села, будто сор или древесные щепки, ненужное крошево, приставшее к плечам, к одежде, полетели вниз. Вместе с людьми.

И тем не менее даже там, где ничего нельзя было найти, где никаких надежд на спасение уже не оставалось, продолжали искать людей. Михайлов видел, как хоронили мертвых. На то, чтобы каждому погибшему вырыть могилу, уже не было сил и времени, поэтому пускали бульдозер, трактор с ковшом-лопатой, — машины, сипя, ломко постукивая, скрипели железными суставами, вырывали общую могилу. Мертвых завертывали в одеяла, клали на дно такой длинной могилы, закапывали, рядом клали другую семью, тоже закапывали, дальше третью. На месте доброго десятка деревень остались такие огромные братские могилы. Будто на войне.

Прибыла специальная команда из Франции — отряд девушек с собаками. Собаки, надо заметить, оказались отменными ищейками — безошибочно находили в завалах людей. И опять-таки чаще всего мертвых. Остановится собака подле какой-нибудь каменной груды, вздернет уши торчком, заприплетывает на месте, заскулит, начинают люди разрывать груды — и точно, находят человека.

Михайлов и Денисенко простудились окончательно, затемпературили, обросли бородами, белая тропическая форма, в которой они выскочили несколько дней назад из дома, обтрепалась, пошла бахромой, почернела от грязи, перед глазами у них плавали оранжевые и зеленые круги от усталости, но вертолетов своих не бросали — летали, летали, летали. Жаловались только на холод — тропический костюм от пробойных горных ветров не спасал, натягивали на себя все, что только можно было натянуть, вплоть до брезента, и снова забирались в кабины своих машин.

Поражались мужеству потерпевших, умению владеть собою, способности переносить боль, сочувствовали скорби и немой слезам. Случалось, в вертолет втаскивали человека с раздавленными ногами и мятой грудной клеткой — боль такая, что от нее выть нужно, в мясное крошево, в лохмотья превращать собственные губы, плакать кровавыми слезами, а человек молчал, крепился, он даже улыбался, подбадривал других.

В одной деревне поисковая собака долго скулила, сидя на ровном, утопанном множестве ног пятачке, заваленном старыми гнилыми досками, принесенными невесть откуда и прочно вбитыми в землю. Девушка-франуженка дергала собаку за ремешком поводка, пыталась оттянуть ее от досок, но та сопротивлялась, рычала, скулила либо задирала голову вверх и начинала по-волчьи выть.

Ну что тут, на этом до каменной твердины утопанном клочке земли, может быть? Если только гнилые доски? Три с половиной дня отряд спасателей провел в этой деревне, откопал все, что можно было откопать, больше тут никого нет — ни живых, ни мертвых. И все-таки... Может, не напрасно собака воет?

Поотбрасывали в сторону доски, начали ломать битую твердую землю. Вдруг в твердине что-то шевельнулось. Оказалось — мертвое женское тело. А под телом находилась крошечная писклявоголосая девочка, которой от роду было всего-навсего пятнадцать дней. Из них три с лишним дня она провела в страшной земляной могиле. Мать, погибая, прикрыла ее своим телом — сама умерла, а девочку, еще только увидевшую свет, спасла.

И казалось Михайлову, что стелется, тянется по земле печальный похоронный звон, плет обездоленных, лишенных крова людей, которым он и его друзья поспешили прийти на помощь, слышится горькая молитва и с нею песня надежды. Надежды на то, что случившееся никогда больше не повторится.

Всего наши летчики — Михайлов, Денисенко и другие, с которыми мне не удалось увидеться, проработали без сна, без отдыха — практически непрерывно — восемь дней. Долгие восемь дней, ровно столько, сколько спасателям понадобилось, чтобы полностью перекопать землю в районе землетрясения, отыскать и попытаться оживить, спасти всякого, кто хоть полшанса из ста имел на спасение.

Конец Сократа

ЛУИ БИДО

Луи Бидо прилетел в Москву днем. Забросив домой чемодан, он отправился искать киоск справочного бюро.

— Могу ли я получить справку, где проживает...

Хозяйка киоска, не поднимая головы, выпалила стереотипное:

— Фамилия, имя, отчество, год, место рождения... — И протянула бланк справки.

— Знаю все, кроме места и года рождения. Но предположительно могу указать... Москва...

Уловив иностранный акцент, женщина спросила:

— Вы сможете сами заполнить бланк? Или надо помочь?

— Благодарю вас. Я сам...

В тот же день вечером Луи отправился по адресу, достаточно быстро полученному в Мосгорсправке. Не переводя дыхания, он взлетел на третий этаж и нажал кнопку звонка. Дверь ему открыл... Сергей Крымов.

...Оба, Сергей и Луи, были ошеломлены до потери речи, а обретя ее, могли лишь обмениваться восклицаниями, не понимая, как в чужой квартире оказался Сергей Крымов и зачем сюда без приглашения пожаловал Луи, улетавший к больному отцу.

Появившаяся в передней Ирина сразу догадалась, что перед ней стоит знакомый по рассказам мужа французский корреспондент. Но почему Сергей и Луи не проходят в комнату, почему, обескураженные, стоят здесь? Почему Сергей не предупредил, что ждет гостя? Она ничего не приготовила, не прибрала...

— Знакомьтесь, Луи, моя жена, Ирина Рубина.

Француз оторопел.

— Как? Не может быть! Вы... вы дочь Захара Романовича?

— Да... Почему вас это удивляет? Точнее, приемная дочь, падчерица.

...Гость словно окаменел. Все окружающее было для него окутано смутной пеленой, и казалось, что время остановилось. Ему, Луи Бидо, сейчас все равно, что означает незнакомое слово «падчерица». Потрясенный, в страшном смятии, он растерянно смотрел на Ирину и Сергея. Наяву ли все это? Перед ним стоит сестра... Сестра ли? Он не находит нужных слов, а слово «сестра» произнести не решается. Бог ты мой, как все объяснить этим людям, которые с нескрываемым изумлением разглядывают его?

— Простите... Мне нужен Рубин... Захар Романович Рубин. Я его сын...

— Сын?..

— Да, да, сын. Рубин — мой отец. Я хочу его видеть, хочу...

— Ваш отец умер, Луи... — едва слышно и даже как-то виновато произнес Сергей.

— Умер? Когда?.. Я опоздал на несколько дней...

Увы, человеческая речь не может передать всю гамму чувств, охвативших его в эти минуты...

Они просидели за столом допоздна. Луи сбивчиво говорил о Жане Бидо, человеке, которого считал своим отцом. На столе с краю лежала маленькая, на двух-трехлетнего ребенка, куртка с потайным нагрудным карманом, где вот уже много лет хранился лоскуток белого полотна. На нем чернилами написано: «Герман. Родился в декабре 1941 года на территории СССР, оккупированной немцами. Внебрачный сын Захара Романовича Рубина».

на, проживающего в Москве. Свидетельствует мать Германа, Елена Бухарцева, проживавшая в начале войны в Москве, по улице...»

Это была курточка Луи Бидо. Он привез ее из Парижа. В присутствии адвоката и нотариуса она была торжественно извлечена из сейфа господина Жана Бидо вместе с большим конвертом, на котором крупно выведено: «Вскрыть после моей смерти». В конверте два письма. В одном, адресованном Луи, — предсмертное письмо «отца», объяснение в любви к приемному сыну и более чем лаконичное духовное завещание: «Ты русский. Люби Россию». В другом письме пространно излагались злоключения мальчика, волею судеб ставшего приемным сыном Жана Бидо, выходца из семьи бывшего русского офицера царской армии. Оба письма, переведенные на русский язык, лежат сейчас на столе вместе с несколькими фотоснимками: Захар Романович Рубин в Стамбуле, на Клязьминском водохранилище, в лаборатории, Гагге и... в гробу.

И еще одно письмо, адресованное Рубину. Оно пришло в день похорон профессора. Его Луи читал и перечитывал, не выпуская из рук. Письмо пришло вместе с посланием, подписанным группой пионеров-следопытов и учителем истории, бывшим фронтовиком. Их школа носит имя отважной разведчицы Елены Бухарцевой, похороненной на окраине районного центра. Следопыты давно уже разыскивали все, что касалось ее жизни, подвига и гибели. И лишь недавно им удалось обнаружить архив партизанского отряда, задания которого выполняла подпольщица. В архиве оказалось неотправленное письмо Елены, написанное в последний день ее жизни. Оно начиналось словами: «Дорогой, любимый Захар...» То был предсмертный крик души. Следопыты установили, что комиссар партизанского отряда (к нему попало это письмо после гибели Елены) пытался узнать фамилию и адрес этого Захара, чтобы передать по назначению. Но в военное лихолетье, да еще из партизанского края, это было невозможно. А позднее, когда партизанский отряд вошел в регулярную часть Красной Армии, комиссар погиб. Архив остался нетронутым. И только много лет спустя к давно пожелтевшим листкам из ученической тетради впервые прикоснулись руки юных следопытов. Узнав девичью фамилию Елены, они разыскали где-то в Сибири ее брата, начальника геологической партии. Он смог сообщить немногое: «Сестра перед началом войны собиралась снова выйти замуж — первый ее муж, профессор Бухарцев, скончался от болезни сердца. Человека, который должен был стать вторым мужем, звали Захар. Он учился в медицинском институте, там же, где Елена предполагала остаться в аспирантуре». Пошли запросы в институт. Учитель истории часть своего отпуска посвятил поездке в Москву на поиск тех, кто знал Елену Бухарцеву и ее друга, студента Захара. Нашелся только адрес. И снова запросы... Ответ на один из них принес имя, отчество, фамилию — Рубин Захар Романович...

Следопыты многое узнали о мрачных днях жизни Елены Бухарцевой в пору фашистской оккупации. И только одна строка в страницах ее биографии той поры осталась для них тайной: кто и за что убил Елену-Генриетту? Раскрыть эту тайну ребятам не удалось.

И вот письмо следопытов в Москву, к Рубину: «Вы не представляете, Захар Романович, как мы были счастливы, когда узнали, кому предназначено письмо. Нам сообщили не только вашу фамилию, но и адрес... Посылаем письмо и фотокарточку вашего двухлетнего

сына Германа. Хочется верить, что вы нашли его. Будем очень рады, если вместе с Германом приедете к нам, в школу имени Елены Бухарцевой».

Увы, трогательное приглашение запоздало...

...Луи прочел письмо школьников, письмо его матери к отцу и долго рассматривал себя двух лет от роду на пожелтевшем любительском снимке...

Теперь уже можно с некоторыми подробностями поведать о горестной судьбе Елены Бухарцевой, о зигзагах жизни сына войны — Германа.

ЗАХАР, ОТЗОВИСЬ!

Елена тяжело переживала неожиданный для нее отъезд Захара Рубина из Москвы. Как это понять? Бегство? Отказ от всего, о чем договаривались? Ведь собирались идти в загс. Но почему? Разлюбил? Поманила другая? Или чрезвычайные обстоятельства? Какие? Мысли разбегались, путались, мельтешили, терялись где-то в закоулках памяти. Ее цельной и чистой натуре чуждо было двуличие. Рубин бежал от Елены, не желая связывать с ней свою судьбу. А она, ничего не ведая, продолжала верить ему. «Нет, нет, тут недоразумение. Он любит меня». И тут же корила себя: «Почему утаила от Захара, что у них должен быть ребенок?..» Сейчас она знает почему: Елена сомневалась: оставить ли? Жизнь только начинается...

В те дни Елена никого не хотела видеть. Она металась по комнатам большой московской квартиры, пытаясь отвлечься, заняться чем-либо. Не получалось! Ее не обескуражило решение институтских руководителей: «Бухарцевой в аспирантуре отказать». В общем-то она не создана для науки. Это честолюбивый Захар уговаривал ее идти в аспирантуру. Ей больше по душе будничная работа хирурга. Сейчас она не думала о том, куда пошлют на работу. Она везде будет верно клевать Гиппократа. Больше всего мучило, что не было вестей от любимого. «Захар, отзовись, где ты?»

Она трижды в день заглядывала в почтовый ящик. Днем все валилось из рук, а ночью одолевала бессонница. Только к утру сваливал подобный беспмятству сон.

Шли дни, одиночество становилось невыносимым. Но Захара рядом не было, а друзей не хотелось видеть — претили их сочувственные взгляды, аханы, вздохи. Кругом пустота. Есть старенькая мама, есть брат, но они далеко. Да и не поймут. Разные люди. Мама всегда осуждала: «Взбалмошная ты какая-то!» Нет, к ним не поедет. Она поедет к нему...

Позже Елена будет анализировать — откуда, из каких душевных глубин выскочила унизительная идея помчаться вслед за Захаром. И решила — это был всплеск эмоций, любви и ненависти, веры и недовереия. Эмоции нарастали по спирали, и где-то на самом верхнем витке все же была любовь, вера, надежда. Она должна была увидеть его, объясниться. Понимала, что это не очень логично. Но Елена никогда не переоценивала силу логики.

Бухарцева вспомнила, что в те края, куда Захар уехал на практику, была направлена на работу ее близкая подруга Валя Михайлова, окончившая институт годом раньше. Ответ на телеграмму пришел быстро: «Приезжай, обеспечу отдельной комнатой, ждем, целуем. Валя, Кирилл».

Подруга с мужем, секретарем райкома партии, встретили более чем радушно. Елена все рассказала о себе, о Рубине, о будущем ребенке...

— Завтра же поеду к Захару. Тут какое-то недоразумение. Он меня любит...

Приезд Елены отметили достойным образом. После ужина подруги пошли гулять. Светлый вечер, благодатная тишина, покой навевали приятные воспоминания о славной студенческой поре. Память воскрешала веселые дни летних каникул, грибную лихорадку. И сейчас превратности жизни с замысловатыми колесами начали рисоваться Елене уже в более розовом свете. А Валя, подстраиваясь к Елене, знаток немецкого, успокаивала ее: «Будет «аллес гут». Ты не хмурься, Леночка! Мы еще увидим небо в алмазах».

Увы, судьбе было угодно, чтобы они в ту светлую ночь увидели нежное июньское небо расчерченным огненными трассами, низвергающим на твердь земную смертоносный металл — городок стоял почти у самой границы.

Началась война. И для Елены все прожитое и пережитое отодвинулось далеко-далеко, по ту сторону бытия.

В доме она осталась одна — Кирилл и Валя ушли в подполье. Прощаясь, Кирилл предупредил: «Немцы могут занять город уже сегодня к вечеру. Если и удастся их задержать, то лишь до завтрашнего утра. О нашем приезде никто не знает. Вы не должны показываться на улице в течение нескольких дней. А потом... Вам скажут... Придет человек и спросит: «Как здоровье Германа?» Вы ответите: «Спасибо, здоров». Это будет наш человек, с ним можно говорить обо всем. Он и скажет, что

делать». Кирилл обнял Елену, поцеловал и задержался у порога.

— Простите, я так разговаривал, будто имею право командовать вами, и не спросил, как вы. Сможете? Готовы?

Она перебила:

— Готова. Командуйте.

Он еще раз обнял ее и ушел в сторону озера.

Немецкие танки загромыхали под окнами на рассвете следующего дня. Строго выполняя наказ Кирилла, Елена даже не выглянула в окно. Все двери были заперты, окна зашторены, и со стороны дом казался покинутым. Но Елена понимала, что маскировка не спасет и не сегодня-завтра в дом секретаря райкома нагрянут фашисты.

В тревожном ожидании часы казались неделями. К счастью, гитлеровцы стремительно проскочили через городок, оставив небольшую комендатуру — офицера и нескольких солдат, не сразу принявшихся устанавливать новый порядок.

Шел четвертый день войны, когда под вечер кто-то осторожно постучал в окно. Прижавшись к стене, Елена сквозь щель в шторе старалась разглядеть человека на улице. Через несколько секунд тот тихо спросил:

— Как здоровье Германа?

Бухарцева обрадованно вздрогнула. Только на мгновение тень беспокойства промелькнула на ее лице, и Елена тут же откликнулась:

— Спасибо, здоров.

Конопатая девчушка с русой косой единым

духом выпалила все, что ей надлежало передать Елене Бухарцевой. В этом доме ей оставаться нельзя. Будут искать хозяев, не пощадят и гостью. Девчушка передала паспорт на имя Генриетты Миллер и легенду — отец из немцев, крупный инженер, был арестован в 1937 году, больше она его не видела. Гостила у тети, жившей на границе с Латвией. Пробирались на восток, эшелон разбомбили. Тетя погибла, а Генриетта оказалась на территории, занятой немцами. Елена-Генриетта должна пробраться в соседний районный центр, где живет мать Вали, старая учительница. Та обо всем предупреждена: мифическая «тетушка» Генриетты и Евдокия Ильинична — родственницы. У нее Бухарцева и будет пока жить. Дальнейшие инструкции получит, пароль тот же.

Прошло более года тяжелой жизни в оккупированном городке. Теперь их в доме уже трое — Елена-Генриетта, Евдокия Ильинична и горластый малыш Герман. Его нарекли так согласно паролю: «Как здоровье Германа?»

Вскоре появился в доме четвертый жилец — обер-лейтенант Шульц. Он уходил утром, приходил вечером. Где бывал, что делал, они не знали. С бабушкой и молодой красивой мамой он держал себя достаточно корректно, на удивление соседкам, уже познавшим повадки фашистских офицеров.

По вечерам Шульц с Генриеттой вел литературные беседы по-немецки. Она блистала эрудицией, цитировала наизусть Гете и Шиллера, рассказывала о богатой библиотеке отца,

где было много немецких книг. Ей казалось, что Шульц проверяет ее, и была рада, что вроде бы не оплошала. Во всяком случае, он как-то обронил, что когда малыш окрепнет, то обер-лейтенант пригласит Генриетту работать в городской управе.

...В тот жаркий летний день Елена пошла к реке стирать белье. У нее было тут любимое тихое безлюдное местечко на маленьком мыске. Тишину нарушал только плеск торопливых вод. Пеленки были уже прополосканы, когда неподалеку от нее незаметно присела та самая веснушчатая девчушка и, глядя в сторону на залитое солнцем поле, блаженно вдыхая воздух, наполненный запахом трав, спросила: «Как здоровье Германа?» Бухарцева, продолжая полоскать, обрадованно ответила: «Спасибо, здоров.—И, сладня с сердцеебием, поинтересовалась: — А как Валя?» Девчушка вскинула на Елену свои большие глаза, проглотила комок, подступивший к горлу, и хмуро, едва слышно пролепетала: «Повесили...»

Ее арестовали на конспиративной квартире. Кирилл, командир партизанского отряда, пытался спасти жену, но увыл...

Горестную весть Елена выслушала молча, не поднимаясь с коленей и не вытирая слез.

— Вы только маме ничего не говорите. Командир строго наказывал. Успеет наплакаться.

— Хорошо, не скажу. А Кирилл как?

— Дважды был ранен, но в строю остался. Просил узнать, как вы тут?..—И после небольшой паузы тихо сказала: — У командира большая просьба до вас. Раньше не хотели беспокоить — сынок-то крохотуля. Как ему без мамки...

— Без мамки? — испуганно переспросила Елена. — Почему без мамки?

— Сейчас объясню. В схватке с карателями погиб переводчик. Когда еще замену пришлют? А тут — оперативные документы захвачены из штаба фашистской дивизии. Срочно требуется перевести, чтобы немедленно передать на Большую землю. Вспомнили о вас, хотели на несколько дней взять в отряд. Но командир воспротивился: «Это же авантюра! Ей из отряда уже нельзя будет возвращаться в город». Вот и послали спросить: что, если вам принести документы, а через день забрать перевод? Есть ли условия для тайной работы дома? Как Шульц?

Елена отвечала не совсем уверенно:

— Попытаюсь... Только... Ведь по части конспирации у меня никакого опыта. Разве что паспорт поможет... Меня вроде бы приняли за немку.

Все обошлось наилучшим образом, и челоночные операции «отряд — город — отряд» участились. Началось с перевода захваченных партизанами документов, а затем последовали более сложные и опасные задания.

Обер-лейтенант слов на ветер не бросал, Генриетту Миллер взяли на работу в городскую управу. Она получила доступ к важной информации. Этому в немалой мере способствовала опека Шульца. Правда, он переехал на другую квартиру, но оставался по-прежнему внимательным к frau Миллер. Иногда он заходил к ним, но Елене казалось, что Шульц больше привлекал Герман, чем его мама. Прощаясь, он галантно раскланивался с обеими frau и непременно напоминал Елене, что, если потребуется какая-то помощь ей или Герману, он всегда к их услугам. «Frau Генриетта, вероятно, хорошо знает, что муттер и кинд — святая святых для немца».

В городской управе на нее обратил внимание агроном Павлищев, слышавший здесь сердцем. Под каким-то предлогом он заявился к Елене и стал недвусмысленно намекать на свои возможности благодетельствовать маму, сына, а заодно и старушку. Изысканностью манер сей тип не отличался и после первой рюмки — а пришел он во «всеоружии»: французский коньяк, закуски — попытался обнять frau Миллер. Звонкая пощечина несколько охладила пыл.

— Бог ты мой, необузданная плоть. Что с ней поделаешь? Вы уж простите, frau, умоляю забыть о случившемся. Будем друзьями, просто друзьями, согласны?

Елена попросила его удалиться.

— Удаляюсь, — нараспев продекламировал

Павлищев, подобно плохому герою-любовнику на сцене. — Удаляюсь с надеждой на милость и снисхождение.

Через несколько дней он снова заявился. Выгнать Елена не решилась, тем более что на сей раз агроном держал себя чинно, пристойно, соблюдая дистанцию. Пил чай, вел умные разговоры, вспомнил почему-то «Овод», а с романа Войнич переключился на «Войну и мир» и многозначительно заметил, что покорить русский народ еще никогда и никому не удавалось.

— И не удастся! — патетически воскликнул гость, в упор глядя на Елену. Она выдержала взгляд и никак не прокомментировала суждения агронома.

Шло время, Павлищев зачастил к Генриетте Миллер. Он приносил Герману сласти, бабушке и маме — сахар и масло, а соседкам — обильную пищу для злословия.

— Генриетта-то приворожила...

Приворожила... Никто не подозревал, что красивая молодая женщина, выдававшая себя за дочь расстрелянного русскими крупного немецкого инженера, вела смертельно опасную и сложную игру. Приворожила она и Шульца и Павлищева одновременно. А Павлищев, желая как-то объяснить начальнику свои визиты к Генриетте Миллер, убеждал его: «Береженного бог бережет... Надо получше присмотреться, можно ли доверять?..» И Шульц одобрительно кивал: «Да-да, дополнительная проверка не помешает...»

Елена выдержала и это испытание. Шульц стал с еще большим доверием и симпатией относиться к «милой frau Миллер». Игра шла своим чередом. Казалось, ничто не могло вызвать подозрения начальства. Тем не менее в последние дни она жила в смутно-тревожном ожидании чего-то страшного.

В тот день она поздно вернулась с работы и прилегла отдохнуть. Герман играл в саду, старушка возилась на кухне. Елена уснула. Ей казалось, что она проспала бог весть сколько, а прошло лишь десять минут. Проснувшись в холодном поту — ей приснился окровавленный Захар Рубин, бежавший из лагеря.

Елена поднялась с постели обессиленная. Растревоженная память не отпускала образ любимого человека. И Бухарцева сделала то, что давно задумала, — написала письмо в надежде, что через связного партизанского отряда его удастся переслать на Большую землю брату, а тот найдет способ переправить в Москву на довоенный адрес Рубина. И будь что будет... Если жив — получит от нее весточку...

«Дорогой, любимый Захар...» Длинное, сумбурное письмо, полное нежной любви и тревоги за него, за себя, за сына, о котором отец еще ничего не знает. В конце приписка: «Хочу быть оптимисткой, но не могу не думать о том, что ждет каждого из нас на войне. Я ведь тоже на фронте, только невидимом. Высылаю вместе с этим письмом фотокарточку нашего сына, Германа, и вот эти строки, адресованные ему. Не удивляйся, не считай меня взбалмошной бабой. Если погибну я, а ты останешься в живых и судьба сведет тебя с Германом, пусть он прочтет написанное любящей матерью, которой не страшно умереть, если она будет уверена, что сына ее ждут счастье, радость...»

...Уже смеркалось, когда в лесу, в условленном месте и в условленный час, она встретила сестру. Елена передала перевод нескольких фашистских документов, сообщила, что завтра утром из тюрьмы группу заключенных повезут в областной центр, и вручила конверт с письмом.

— Попроси комиссара отправить как-нибудь на Большую землю. Ведь летают же связные самолеты. Очень нужно...

— А адрес? Ты же адреса не написала!

Елена ахнула — забыла второпях. Что делать? С собой ни карандаша, ни ручки. Бежать домой и снова вернуться? Опасно. Скоро комендантский час. Нельзя задерживать связную...

— Так что же делать, тетя Лена?

— Адрес я передам в следующий раз. А пока... Отдай комиссару как есть...

Домой Елена не вернулась. Ее тело нашли в лесу, о чем и доложили коменданту. На ме-

сто происшествия тотчас же примчался Шульц. Не надо было быть криминалистом, чтобы установить — убита выстрелами из пистолета.

Кто убил и за что, осталось тайной. Расследование еще продолжалось, а к Евдокии Ильичне пришли от Шульца, чтобы забрать мальчика. Старушка кинулась было с кулаками: «Не отдам!» Но поняла — сопротивление бесполезно. На сборы дали три часа.

Вещи малыша уместились в небольшом мешочке, на дно которого легла подаренная старушкой курточка умершего еще до войны внука. Елена однажды сама смастерила потайной кармашек. Ее жизнь в оккупированном крае сложилась так, что в любой момент можно было ждать трагического конца. И Елена была ко всему готова. К потайному кармашку пришла белый лоскуток и на нем чернилами крупно вывела самое необходимое, что людям надо знать о малыше.

Бухарцева не боялась думать о том, о чем человек, пока он живет, дышит, задумываться не желает. Смерть! Она подстерегала ее сейчас на каждом шагу, каждый раз, когда шла на свидание со связной, когда являлся к ней пьяненький агроном. Но так хотелось верить, что недалек тот час, когда придет сюда советский солдат и ее Герман попадет в заботливые руки родного отца. Этому, увы, не суждено было сбыться...

Малыша забрали потому, что он приглянулся бездетному Шульцу, не раз попрекавшему супругу бесплодием. В нем сочетались строгая выучка служебно-офицерской и тривиальная сентиментальность. В мечтах ему виделся собственный домик с островежкой крышей. Frau хозяйничает на кухне, а он с мальчишкой возится в ухоженном саду. Чем приглянулся именно Герман, сказать трудно. Возможно, что и «арийской» внешностью: Елене было легко выдавать себя за немку...

Получив кратковременный отпуск, Шульц увез малыша в Германию. Однако frau — в глубине души он ожидал этого — категорически отказалась усыновить мальчика, даже грозились задушить. Бурные объяснения перемежались истериками, а тем временем пришла пора возвращаться Шульцу к месту службы. И тут frau неожиданно присмирела и объявила мужу, что так как волею господа они лишены счастья иметь детей, мальчик, видимо, послан им свыше. К тому же святой отец, у которого она исповедовалась, повелел: «Смирись!»

Счастливым «отец» и муж, благодарный своей милой frau, улетел, не подозревая, что дражайшая половина уже решила, как избавиться от ребенка. При первом удобном случае ее служанка, полунемка-полубельгийка, должна была отправить его к своей сестре, служившей экономкой в богатом доме. Ждали только ее согласия.

Радостная для frau весть с Запада пришла вместе со скорбной с Востока: Шульц убит под Варшавой.

Вот так симпатичный мальчик со своими нехитрыми пожитками в бабушкином цветастом мешочке начал переходить из рук в руки: из Германии от служанки frau Шульц — в Бельгию к экономке, от экономки — во Францию к бездетным супругам Бидо.

В пору оккупации господину Жану Бидо пришлось несладко. Кто-то донес в гестапо, что в действительности он Иван Бидов, из русских. Дворянское происхождение в расчет не приняли, перевесила другая страница биографии. Отец Жана в пору русско-японской войны служил офицером на флоте. Накануне решающего боя на его корабле арестовали нескольких матросов, заподозренных в распространении крамолы. При дознании выяснилось, что офицеру Бидову была ведома сие неблагонадежность матросов, но он не счел нужным докладывать по начальству. Ему грозил военный суд. Однако война распорядилась иначе: японцы захватили русский корабль. После перемирия офицер Бидов не вернулся в Россию: «В лучшем случае упекут на каторгу». Он плывал на японских, английских, французских торговых судах, а в 1907 году «отдал якорь» в Марселе: женился на красивой, богатой вдовушке, через год подарившей ему сына Жана. Впоследствии Бидо стал банкиром.

Окончание следует.

ПАКТ МИРА

14 мая 1954 года в Гааге состоялся торжественный церемониал подписания конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. К сожалению, на церемонии подписания договора не мог уже присутствовать человек, которому принадлежала идея этого международного соглашения. Великий русский художник и мыслитель Николай Константинович Рерих ушел из жизни за семь лет до этого знаменательного события.

Проект договора, который был детально разработан Рерихом еще в 1929 году и с которым он обратился к правительствам и народам всех стран, обрел тогда же всемирную известность. В основу проекта легли мысли художника, созревшие в нем уже в начале творческой деятельности, о необходимости действенных правовых законов, гарантирующих сохранность достижений человеческого гения.

«Моя идея о сохранении художественных и научных ценностей», — заявлял Рерих, — прежде всего заключалась в создании международного импульса к обороне всего самого драгоценного, чем живо человечество. Если знак Красного Креста всем напоминает о гуманности, то такого же смысла знак должен говорить человечеству о сокровищах прекрасных».

И Рерих придумывает особый отличительный знак — возвышенный и символический: белое полотнище с тремя красными кругами, вписанными в красную окружность. Прошлые, настоящие и будущие достижения человечества, опоясанные кольцом Вечности, — таким виделся художнику этот отличительный знак. По мысли Рериха, подобно тому, как флаги с красным крестом охраняют госпитали и больницы, так и белые знамена с тремя красными кругами посредине должны развеваться над музеями и другими учрежде-

ниями культуры, чтобы спасти их от разрушения и гибели.

В тридцатые годы во многих странах мира развернулось широкое движение сторонников подписания Пакта Рериха. Две особенности отличали это движение.

Во-первых, с самого момента своего возникновения оно энергично подключилось к борьбе за мир. Недаром Рерих предпочитает называть свой пакт Пактом Мира. Недаром в преамбуле к пакту сформулирована мысль о запрещении войны в качестве орудия национальной политики. Недаром свой отличительный знак Рерих именует Знаменем Мира. В этой связи он говорит: «Не будучи безжизненными пацифистами, мы хотели бы видеть Знамя Мира развеваящимся, как эмблему новой счастливой эры».

Во-вторых, действие пакта не предполагалось суживать лишь зоной военных столкновений. Ему придавалось более широкое, глобальное толкование. «Для нас Знамя Мира», — писал Рерих, — является вовсе не только нужным во время войны, но, может быть, еще более нужным каждодневно, когда без грома пушек часто совершаются такие же непоправимые ошибки против Культуры».

Вот почему призывы Рериха, обращенные к сторонникам пакта, носят столь активный и мобилизующий характер. Это призывы к бдительности, к постоянному героическому напряжению всех сил человека. Вот почему так убежденно сочетает Рерих понятие «культура» и слово «подвиг». «Ничто так не близко Культуре», — провозглашает художник, — как чувство любви, сознание Прекрасного и сердечное стремление к Подвигу».

Естественно, что проект Рериха нашел горячий сочувственный отклик в среде творческой интеллигенции. В его поддержку выступают во Франции — Ромен Роллан, в Германии — Томас Манн, в Ин-

дии — Рабиндранат Тагор, в Англии — Бернард Шоу и Герберт Уэллс (последний возглавил английский комитет, носящий имя Рериха). Можно сказать, что в накаленной грозовой предвоенной атмосфере тридцатых годов Рерих создает свой фронт борьбы за мир.

Кульминационным пунктом рериховского движения стало подписание в 1935 году договора о международных нормах охраны культурных ценностей. Он вошел в историю международно-правовой литературы под именем Пакта Рериха. К сожалению, пакт не сумел перерасти региональные рамки: под ним поставили подписи руководители стран американского континента. Но определенную и довольно значительную роль он сыграл в подготовке всеобъемлющего соглашения по данному вопросу. Недаром в преамбуле к Гаагской конвенции содержится ссылка на основные положения этого пакта.

Вторая мировая война перечеркнула вашингтонское соглашение, как перечеркнула и многое другое. Но перечеркнуть духовные усилия миллионов и миллионов людей она не могла. В новой послевоенной обстановке, когда движение сторонников мира выросло в могучую неодолимую силу, великие и гуманные идеи Рериха получили новый импульс, получили массовую опору. Несомненно, что лишь тогда, когда Советский Союз и страны социализма стали главным, определяющим фактором общественно-политической и культурной жизни планеты, сделалось возможным превращение договора о защите культурных ценностей из акта регионального в акт подлинно международного. Наконец, мысли и призывы Николая Константиновича Рериха обрели силу Закона с большой буквы: «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются уважать культурные ценности, расположенные на собственной территории, а также на территории других Высоких Договаривающихся Сторон...» Подытоживая историю борьбы за подписание конвенции, знаменитый советский скульптор С. Коненков справедливо

во писал: «Нравственные принципы Рериха в отношении культурного наследия народов Земли стали нормами международного права».

Несомненно, что эти нормы международного права стимулировали рост интереса во многих странах мира к своему культурному наследию, корням и истокам своей культуры. Несомненно также, что они играли и играют мобилизующую роль в деле борьбы за мир. Это естественно, ибо проблема сохранения культурных ценностей неотделима от проблемы сохранения мира. Они нерасторжимы и потому обретают все новых и новых сторонников на всех континентах Земли. Понимание смертельной опасности, нависшей не только над всеми плодами деятельности человеческих рук и разума, но и над жизнью самого человечества, все глубже проникает в сознание людей.

В феврале этого года мне довелось в составе писательской делегации побывать в Индии. Мы участвовали в работе симпозиума Делийского университета, встречались с издателями и писателями, и везде мы слышали от индийцев следующее: «Американские ракеты нацелены не только на вас, но и на нас!» Американские ракеты нацелены не только на Советский Союз, но, по существу, и на весь мир, в том числе и на саму Америку, потому что начать термоядерную войну — значит совершить самоубийство.

В Индии русский язык нередко называют санскритом будущего. Его называют так, в частности, и потому, что именно на русском языке сформулированы лозунги новой эры человечества. Инициатор международного договора о защите культурных ценностей Николай Константинович Рерих обращает внимание на характерное и, если хотите, весьма знаменательное обстоятельство: «Не удивительно ли, по-русски слово «мир» единозвучно и для мирности, и для вселенной. Единозвучны эти понятия не по бедности языка. Язык богатый. Единозначны они по существу. Вселенная и мирное творчество нераздельны».

Валентин СИДОРОВ

ЛЕД И ФАНТАЗИЯ

Все, казалось бы, ясно: танцы на льду требуют виртуозного скольжения и безукоризненного впуска, неустанный творческий поиск, но перед тренером стоит еще одна, совершенно особая задача: соединить в одной паре двух разных по характеру людей. Итан, техника, искусство и психология — вот что решает. Но как же непросто претворить в жизнь это триединство мастерства! И когда это удается, перед восхищенными зрителями возникает такое чудо, как Людмила Пахомова — Александр Горшков, Наталия Линичук — Геннадий Карпоносов, Ирина Моисеева — Андрей Миненков.

Высокое искусство советских танцевальных пар многие годы было непреложным фактом. Еще четыре года тому назад, на Олимпийских играх в Лейк-Плэсиде, успех Наталии Линичук и Геннадия Карпоносова полностью затмил возможности молодой английской пары Джейн Торвилл — Кристофер Дин, занявшей в общем-то вполне для них престижное пятое место. И, казалось бы, ничего не сулило на танцевальном фронте неожиданных перемен. Ведь на смену одной ведущей советской паре неизменно приходила другая. Но за четыре года Д. Тор-

вилл и К. Дин не проигрывали ни разу, вернувшись английской школе танцев на льду давно уже потускневший блеск.

Так мы оказались в роли догоняющих, и вот на Олимпиаде в Сараево Д. Торвилл и К. Дин поднялись на высшую ступень пьедестала почета. Правда, две остальные ступени заняли советские пары, уже хорошо знакомые всем ученики Татьяны Анатольевны Тарасовой Н. Бестемьянова и А. Букин и новички столь крупных соревнований, ученики Наталии Ильиничны Дубовой Марина Климова и Сергей Пономаренко.

Молодая пара, выпестованная за четыре года Дубовой, могла с высоты пьедестала почета в Сараево обозреть свое ближайшее будущее и понять, что перед ней стоит задача во много раз более сложная, чем та, решение которой привело их на олимпийский пьедестал. А путь в Сараево был нелегкий. Их жизнь в фигурном катании сразу же началась с упорных, систематических тренировок, с неустанных поисков своего стиля, с выработки доверия друг к другу. С Сергеем Н. И. Дубова встретилась в 1978 году, и уже через год он в паре с Татьяной Тарасовой завоевал первенство мира среди юно-

ров, а в конце того же семьдесят девятого года и Дубовой из Свердловска приехала тринадцатилетняя девочка Марина. В то время сама Дубова считалась еще молодым тренером, хотя уже успела поработать с такими фигуристами, как Наталия Линичук, Елена Гаранина, Игорь Завозин, Ирина Моисеева, Андрей Миненков и многими другими. Но своей тренерской зрелости Наталия Ильинична достигла в работе с молодой парой М. Климова — С. Пономаренко.

В основу своей работы с ними Н. И. Дубова положила в произвольной композиции, стремление, чтобы эта композиция соответствовала характеру фигуристов, для которых она создается. И разве мы не чувствуем в композициях этой молодой пары характера не отдельно Марины или Сергея, а их общего характера.

Достигнуто за четыре года многое, но все это только начало в том споре с сильнейшими танцевальными парами мира, к которому готовятся Марина и Сергей.

Их девиз все тот же — лед и фантазия.

В. ВИКТОРОВ

Майя Чибурданидзе.

Марк ТАЙМАНОВ,
международный
гроссмейстер,
шахматный обозреватель
«Огонька»

На фоне поединка Каспаров — Смыслов параллельно проходившая борьба за женский трон невольно выпала из фокуса внимания шахматного мира. Сейчас, когда страсти несколько улеглись, пора восстановить справедливость, тем более что эти состязания без всяких скидок были и содержательны и интересны.

Сначала немного истории.

Чего греха таить, отношение к женским шахматам многие годы было по меньшей мере снисходительно-ироничным. И не без оснований. Игра шахматисток и по характеру мышления и по уровню мастерства действительно резко отличалась от игры мужской. «Дамское рукоделие», — говорили о ней «любезные» авторитеты, а острословы просто подшучивали: «Как вообще женщины могут участвовать в турнирах, если это на целых пять часов ежедневно лишает их возможности поболтать?»

Все началось с Веры Менчик, замечательной шахматистки, царившей 17 лет! Общественным мнением был учрежден даже символический «клуб Веры Менчик», куда зачислялись известные шахматисты, уступившие хотя бы полочка чемпионке (среди них, кстати, оказались М. Эйве и С. Флор). Но после трагической гибели Веры Менчик в Лондоне во время обстрела города гитлеровскими самолетами-снарядами в женских шахматах наступило затишье...

Потребовалось шесть долгих лет, чтобы в мире к ним вновь пробудился интерес. И главная заслуга в этом принадлежала советским шахматисткам. После легендарной Веры Менчик, семикратно побеждавшей своих соперниц, вот уже 34 года подряд чемпионками мира становятся только наши женщины.

Поначалу это были шахматистки старшего поколения — Л. Руден-

ко, Е. Быкова, О. Рубцова. Наши первые королевы обладали большим опытом и прочной шахматной базой. Они играли лучше многих своих сверстниц и словно подытожили достижения женских шахмат за долгий период их становления.

Новая эра пришла с появлением на шахматном горизонте удивительной девочки из небольшого грузинского городка Зугдиди — Ноны Гаприндашвили. Уже первые ее шаги взбудоражили общественность, в 12 лет она начала играть в официальных турнирах, в 15 — выиграла женское первенство Грузии с фантастическим результатом 15,5 очка из 16 возможных, а на следующий год участвовала в чемпионате страны! И поражаало не столько ее стремительное восхождение по ступеням спортивных рубежей, сколько сам характер игры — азартный, смелый, жесткий. Позже, в расцвете славы, Нона призналась: «Когда говорят, что у меня мужской стиль, я при всей симпатии к своему полу горжусь такой характеристикой».

В 21 год, разгромив со счетом 9:2 чемпионку мира Е. Быкову, Нона Гаприндашвили взошла на шахматный престол и удерживала его бессменно в течение шестнадцати лет! За эти годы она не удовлетворилась победами только над своими соратницами. Нона вкусила немало и «мужской крови». Будь организован «клуб Ноны Гаприндашвили», сколько знатных имен оказалось бы в его составе!

Нона — единственная в истории шахматистка, удостоенная не только женского гроссмейстерского титула, но и мужского! Ноной восхищаются, ей стремятся подражать. Она стала признанным лидером «новой шахматной волны». Не счесть талантливых девочек в Грузии, которые увлекались шахматами и достигли больших успехов благодаря Ноне. И первой среди них была Нана Александрия, которая в 17 лет стала чемпионкой Советского Союза. Тогда-то и возник очаровательный шахматный дуэт Нона — Нана (как шутил известный шахматный обозреватель А. Рошаль, «у грузинских девочек одно затруднение, кем стать: Ноной или Наной»). А затем словно из рога изобилия посыпались имена грузинских юных шахматисток, ставших теперь известными всему миру: Нино Гуриели, в 13 лет участвовавшая в женском чемпионате СССР, Нана Иоселиани, ставшая чемпионкой Европы, и, наконец, феноменальная Майя Чибурданидзе, которая в 13 лет завоевала титул международного мастера, в 16 — международного гроссмейстера, а в 17, победив саму Нону Гаприндашвили, стала чемпионкой мира! Как справедливо подметил С. Глигорич, «таких успехов в столь раннем возрасте не имели ни одна шахматистка и ни один шахматист в истории».

Женские шахматы стали «девичьими». А кроме всего, стремительно возник загадочный грузин-

ский «матриархат». Мировая пресса зашелестела многочисленными статьями с недоуменными вопросами. Как в одной республике оказалось столько сильных шахматисток, что своим домашним составом они могли бы обыграть сборную мира? Чем объяснить удивительные результаты Ноны Гаприндашвили и пришедшей ей на смену Майи Чибурданидзе не только в женских, но и в мужских турнирах?

В чем же тайна грузинских шахматисток? Однозначно на это не ответить. В Грузии просто убеждены, что у них каждая девочка рождается с задатками шахматистки. Объяснения успехов можно искать и в дисциплинированности и волевых качествах молодых грузинок, в особом складе их ума — трезвом и одновременно наделенном богатым воображением. И, наверное, не случайно в Грузии с древних времен существовал обычай вместе с приданым дарить невесте и шахматы...

В Грузии много лет звучали лишь победные марши. Все попытки покушений на корону «со стороны» встречали решительный отпор, и борьба за женский шахматный трон носила сугубо «семейный» характер. Ничто не предвещало опасности и в нынешнем цикле — скипетр был в надежных руках Майи Чибурданидзе, а среди соискателей вновь и Нона Гаприндашвили, и Нана Александрия, и Нана Иоселиани. Но тут случилось неожиданное — грузинской монополии был нанесен чувствительный удар. Сначала Ирина Левитина в четвертьфинале обыграла Гаприндашвили, затем она же в полуфинале вывела из строя претендентку Александрию, а Лидия Семенова — Иоселиани. Ленинградка и киевлянка взяли на себя смелость ниспровергнуть, казалось бы, незыблемую традицию.

Матч Левитина — Семенова был увлекательным и на редкость драматичным. Пожалуй, по сравнению с параллельно протекавшим

поединком Каспаров — Смыслов здесь сюжет был даже интереснее. Сначала уверенно повела в счете Ирина, и, казалось, судьба матча предрешена. Но внезапно Лидии удалось перехватить инициативу и не только отквитать два очка, но и порадовать своих поклонников смелой агрессивной игрой. Настал черед заволноваться ленинградским болельщикам. Все решилось на самом финише. Как рассказал потом тренер Левитиной П. Кондратьев, в решающий момент Ирина проявила удивительное хладнокровие и в критической ситуации склонила судьбу на свою сторону. И это не назовешь везением или счастьем, ведь она так же победно заканчивала последние партии и против Гаприндашвили и против Александрии.

Левитина не новичок среди претенденток. Нынешний шторм шахматного трона у нее уже третий по счету. Но никогда еще Ирине не доводилось бросать вызов самой чемпионке мира. Поединок Чибурданидзе — Левитина обещает много интересного. Соперницы не робкого десятка и играют в боевой современной манере. Гроссмейстер Ю. Разуваев недавно подметил, что «женские шахматы сейчас похорошели». Когда смотришь партии наших замечательных шахматисток, можно заметить, что они не только похорошели, но и возмужали.

Ирине Левитиной предстоит самое трудное испытание в жизни — первый матч на первенство мира. Да еще с самой Чибурданидзе! Но, как говорит Ирина, разве не в постоянном испытании интеллекта и воли заключена вся прелесть шахмат!..

Когда эта статья готовилась к печати, пришло сообщение о том, что крупнейший в истории шахмат международный женский турнир в Тбилиси завершился блистательной победой Гаприндашвили.

Браво, Нона!

Ирина Левитина.

Очерк Галины Куликовской «Женя, Катя, Маша, Таня и Моссовет» («Огонек» № 52, 1983 год) вызвал большую почту. Многие читатели сообщают о рождении четверняшек в других городах страны. Но есть в нашей почте письмо особого рода. Эльфрида Яковлевна Серкина, жительница Крыма, обладает удивительной коллекцией. Она долгие годы собирает сообщения, взятые из газет и журналов, о рождении близнецов не только в нашей, но и в других странах. Сегодня мы публикуем ее письмо.

Очень давно я коллекционирую вырезки из печати о рождении близнецов. По моим данным, в XX веке только в нашей стране 16 случаев рождения четверняшек. (Если у вас есть другие сведения, сообщите, буду благодарна.) Первая информация о четверняшках относится к 1911 году. В газете «Утро России» 23 сентября сообщалось: «Редкий случай родов. Кисловодск. 22 сентября. В станице Александрийской казачья родила четверых. Один новорожденный умер, остальные и мать здоровы».

Мне известны 28 случаев появления на свет пятерняшек. Причем почти все из них живы и хорошо развиваются.

Самые знаменитые — польские

трех мальчинов. Вскоре после родов пять детей умерли. Трое оставшихся в живых росли нормально.

Трех мальчинов и пятерых девочек родила также жительница города Неаполя Паскулина Анастрелла. Как сообщала кубинская газета «Гранма», зарегистрировано еще пять таких случаев: в 1921 году в Мексике, в 1934 году в Китае, в марте 1977 года снова в Мексике, в апреле 1977 года в ГДР и в июне 74-го года — в Греции.

Известен единственный случай рождения девяти близнецов. Это случилось 13 июня 1971 года в Сиднее. В этот день двадцатидевятилетняя Жеральдина Бродерик родила пятерых мальчинов — из

СКОЛЬКО БЫВАЕТ БЛИЗНЕЦОВ?

близнецы Адам, Петр, Роман, Агнешка и Ева. Они накануне своего 13-летия, которое исполнится 12 мая 1984 года.

«Огонек» помещал фото пятерых близнецов — девочек, родившихся в канадской семье. Девочки выжили, нормально развивались. И вот теперь фото запечатлело этих сестер в торжественной для них обстановке в день получения дипломов об окончании колледжа.

Энциклопедия «Британика» приводит данные о том, что в этом столетии было зарегистрировано 12 случаев рождения сразу шестерых детей. А в моей хронике есть сообщения о рождении шести близнецов в 13 случаях.

«25-летняя Сюзан Розенкович из Кейптауна (ЮАР) родила шесть близнецов — трех мальчинов и трех девочек (5 февраля 1974 года). Шестерняшки из Кейптауна — единственные в мире близнецы, которые не только выжили, но и отлично развиваются. Сейчас Ясон, Давид, Грант и их сестрички Эмма, Ниолетт и Элизабетт — бойкие, проказливые ребятки».

Вот еще сообщение уже от 1980 года. Шестеро близнецов — четыре сына и две дочери родились во Флоренции (Италия) у школьной учительницы Розанны Кавильи. «Флорентийским шестерняшкам» Линде, Франческо, Летиции, Джорджии, Фабрицио и Роберто Кавильи уже исполнилось полгода, и чувствуют они себя хорошо.

Однако бывает и больше. С 1900 года в мировой печати, по моим данным, 23 раза сообщалось о рождении семи и восьмью близнецов.

В 1977 году в одной из больниц, находящейся в пригороде Афин, 31-летняя гречанка родила восьмерых детей — пятерых девочек и

них двое оказались мертвыми — и четырех девочек.

А вот фактов о рождении десяти близнецов больше.

Только в нашем столетии отмечено три таких случая: в 1924 году в Испании, в 1934-м в Китае, в 1946-м в Бразилии.

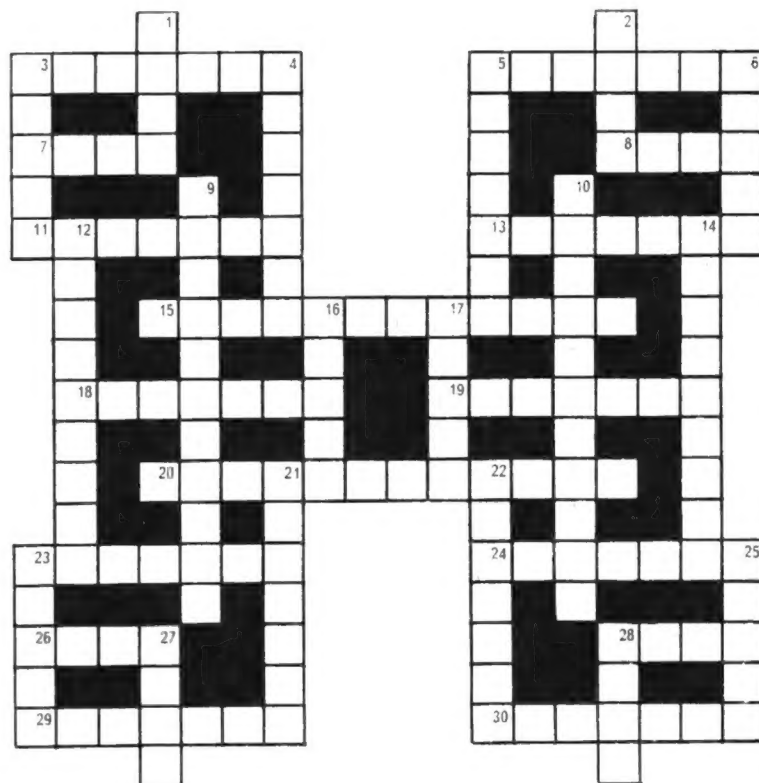
Весьма любопытны высказывания ученых по поводу близнецов. Французский биолог Эллен сформулировал в конце прошлого века своеобразный закон. Суть его в следующем: на 87 детей-одиночек приходится в среднем одна пара двойняшек; на 87 двойняшек — одна тройня; на 87 тройняшек — одна четверня и т. д. Этот закон подтверждается статистически. Подсчитано, одна двойня приходится примерно на 80 с лишним родов, тройня на 6400, четверня на 512 тысяч, а пятерня на 52 миллиона.

Братья-близнецы врачи Георгий и Димитр Иномовы из Болгарии собрали и обработали данные о близнецах в Болгарии, родившихся за 90 лет — с 1882 по 1972 год. Оказалось, что за это время двойняшек появилось на свет более 30 тысяч. Кроме этого, родилось четыре тысячи тройняшек, и в 92 случаях на свет появилось по четыре близнеца. На нашей планете, пишет болгарский журнал «Отечество», живут более 70 миллионов близнецов.

Два слова о моей коллекции. Ей уже двадцать лет. Моя профессия — библиотекарь, и это мне помогает в сборе данных.

З. СЕРКИНА

Крымская область.
Поселок Советский.
улица Крымских партизан,
д 10, кв. 13.

По горизонтали: 3. Птица, обитающая на болотах. 5. Баллада В. А. Жуковского. 7. Тонкий лист древесины, применяемый в производстве фанеры. 8. Приток Кубани. 11. Яркая звезда в южном созвездии Киля. 13. Тригонометрическая функция. 15. Балерина, народная артистка СССР. 18. Персонаж итальянской комедии масок. 19. Промышленное предприятие. 20. Хищная птица семейства ястребиных. 23. Наука, решающая инженерные задачи на основе анализа жизнедеятельности организмов. 24. Рассказ М. А. Шолохова. 26. Река в Швейцарии и Франции. 28. Культурно-просветительное учреждение. 29. Картина голландского живописца XVII века Ф. Халса. 30. Горный хребет на Южном Урале.

По вертикали: 1. Советский футболист, чемпион XVI Олимпийских игр. 2. Полуостров на севере Западной Сибири. 3. Чешский писатель-сатирик. 4. Аппарат для уборки помещений, чистки ковров. 5. Художник-пейзажист. 6. Деньги, выдаваемые в счет предстоящих платежей. 9. Второстепенный член предложения. 10. Всемирные студенческие спортивные соревнования. 12. Японский порт на острове Хонсю. 14. Композитор, автор оперы «Дубровский». 16. Музыкальный лад. 17. Спутник Сатурна. 21. Город в Татарской АССР. 22. Итальянский скрипач, композитор XVIII века. 23. Спортсмен. 25. Народный писатель Узбекской ССР. 27. Минерал, разновидность халцедона. 28. Шахматная фигура.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали: 5. Болховитинов. 6. Зарница. 7. Егорлык. 9. Рубо. 10. Врач. 12. Тара. 14. Герб. 16. Дено. 17. Креп. 18. Ромашов. 19. Диаметр. 20. Залп. 22. Монс. 23. Арно. 24. Атом. 25. Сорт. 27. Овес. 28. Коридор. 29. Австрия. 30. Даргомыжский.

По вертикали: 1. Поленов. 2. Бондарчук. 3. Стереотип. 4. Кокарда. 6. Зеленогорск. 8. Компетенция. 11. Родонит. 13. «Ревизор». 15. Брамс. 16. Домра. 20. Зимородок. 21. Пассатижи. 24. Амирхан. 26. Титания.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Призеры Олимпийских игр в Сараево в танцах на льду Марина Климова и Сергей Пономаренко. (См. в номере материал «Лед и фантазия».)

Фото А. Бочинина.

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: MARTIN ИОНАШ (СФРЮ) На встречу к друзьям * Крестьянин в надежде * В поле. (См. в номере материал «Палитра крестьянина Мартина».)

ЮМОР ОЖИДАНИЕ РАССКАЗ

У солидной двери, отделанной под орех, обреченно молчала очередь.

— А может, он вообще не придет? — как бы самого себя спросил человек с кожаной папкой.

— Как это не придет?! — откликнулся мужчина с портфелем.

— Может, его уже давно нет.

— Как это нет?! Улетел, что ли?

— Придет. Никуда не денется, — уверенно бросила женщина с кожаной папкой.

— Может, он задержался. Наверное, — продолжал думать вслух человек с кожаной папкой, выражаясь поднимая глаза к потолку.

— Как это наверно, когда он только что здесь был! — заволновался мужчина с портфелем. — У меня срочное дело!

— Вот у меня о прошлом годе тоже было... — вступила старушка с хозяйственной сумкой.

— Просто неуважение к людям какое-то! В конце концов у меня общественное дело! — возмущался

мужчина с портфелем. — Придется где следует поставить вопрос.

— Наше дело телячье, — поджала губы женщина с кожаной папкой.

— ...а после этого его сняли, — закончила свой рассказ старушка.

— Новый-то лучше? — спросил кто-то.

— Все они хороши первое время. А потом, глядишь, то ему не так, это не то. Откуда что берется?

— А старый, думаете, где — испарился? — Мужчина с портфелем ядовито хмыкнул. — То-то и оно. Где-нибудь на новом месте над людьми измывается.

— Что же это делается! — ахнула старушка.

— Никаного уважения не осталось, — подытожил мужчина.

— Идет, кажется... — нерешительно проговорил человек с папкой.

— Тише, товарищи, тише! Все уважительно замолчали. Долгожданный лифт наконец-то пришел.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономика быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патристический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел Прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 25.04.84. Подписано к печати 15.05.84. А 00370. Формат 70х108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 725 000 экз. Изд. № 1450. Заказ № 2608.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

АНТИОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ ВАШИНГТОНА

Советские спортсмены не примут участия в Играх XXIII Олимпиады в городе Лос-Анджелесе. Наше решение окончательное. Об этом заявил 14 мая на пресс-конференции для советских и иностранных журналистов председатель Национального олимпийского комитета СССР, председатель Спорткомитета СССР М. В. Грамов.

Как известно, решение о невозможности участия наших атлетов в предстоящих Олимпийских соревнованиях было принято единогласно после всестороннего и тщательного обсуждения на пленарном заседании НОК СССР 8 мая. Это явилось закономерным выводом из анализа сложившейся в США вокруг Игр обстановки. Еще ранее в своем Заявлении от 10 апреля 1984 года НОК СССР выразил серьезную озабоченность в связи с грубыми нарушениями организаторами Игр правил Олимпийской хартии, антисоветской кампанией, развернутой реакционными кругами США при попустительстве официальных властей.

Международный олимпийский комитет на своем апрельском заседании признал закономерность и обоснованность позиции НОК СССР. Однако и после этого ситуация не изменилась. Более того, сообщения, поступающие из США, свидетельствовали о том, что в ходе подготовки Олимпиады по-прежнему грубо нарушаются Олимпийская хартия, основные принципы и традиции олимпийского движения.

Не считаясь с мнением мировой спортивной общественности, власти США продолжают вмешиваться в дела, находящиеся исключительно в компетенции организационного комитета Игр.

С самого начала подготовки к нынешней Олимпиаде американская администрация взяла курс на использование Игр в своих политических целях. В стране разжигались шовинистические настроения, нагнеталась антисоветская истерия, под покровительством вашингтонской администрации резко активизировали свою деятельность различного рода экстремистские организации и группы. Они без стеснения, открыто поставили своей целью создание «невыносимых условий» для делегации СССР и делегаций других социалистических стран. При этом главарь антисоветских, антикоммунистических организаций принимается представителями администрации США, их деятельность находит широкий от-

клик на страницах газет, в программах радио и телевидения. Звучат чудовищные призывы оголтелых антисоветчиков «прочитать» нашу страну, «убивать русских».

Поправление идеалов и традиций олимпийского движения, бесцеремонное отношение американских властей к Олимпийской хартии — все это не что иное, как подрыв олимпийского движения, стремление расколоть его ряды. И если подвести итоги политики американской стороны в этом вопросе, то суть их в том, чтобы поставить спортсменов СССР, спортсменов социалистических стран в неравное положение, создать для них практически невыносимые условия, помешать им выступить на Олимпиаде в полную силу.

Естественно, что НОК СССР вынужден был заявить о невозможности участия советских спортсменов в Играх XXIII Олимпиады. Это понятно каждому здравомыслящему человеку, поскольку поступить иначе было бы равносильно одобрению антиолимпийских действий и американских властей и организаторов Игр. Вот почему решение Национального олимпийского комитета СССР получило полную поддержку и у нас в стране и за рубежом.

Со всех концов мира идут отклики, в которых общественные деятели, деятели олимпийского движения, сами спортсмены выражают полное понимание позиции Национального олимпийского комитета СССР и его решения отказаться от участия в Играх XXIII Олимпиады.

Генеральный секретарь Коммунистической партии США Г. Холл поддержал решение Национального олимпийского комитета. Приезд спортсменов СССР, подчеркивает он в опубликованном заявлении, стал невозможным из-за политики администрации Рейгана, раздувающей злобную, антисоветскую, антикоммунистическую истерию.

У Советского Союза имеются вполне обоснованные жалобы на порядки, установленные амери-

канцами при подготовке Олимпийских игр в Лос-Анджелесе, заявил, выступая на Би-би-си, олимпийский чемпион по прыжкам в длину, а ныне тренер легкоатлетической команды Великобритании Линн Дэвис.

Отмечая, что отказ олимпийских комитетов СССР, Болгарии и ГДР послать свои команды в Лос-Анджелес резко снижает спортивное и общественно-политическое значение проводимых там Игр, газета «Морнинг стар» пишет: «Вину за это несут президент США и его окружение — они поставили антисоветизм и доллар превыше любых соображений безопасности и идеалов олимпийского движения».

В нынешней нездоровой обстановке говорить о безопасности спортсменов не приходится, указал в интервью «Лос-Анджелес таймс» сотрудник «Рэнд корпорейшн», эксперт по борьбе с терроризмом Б. Дженкинс. «Советские люди, — сказал он, — являются объектом угроз и насилия в этой стране, и их тревогу за безопасность легко понять».

«У меня нет никаких сомнений в том, что антисоветские группировки в Лос-Анджелесе действуют с ведома и при попустительстве властей США, на что прямо указывалось в Заявлении НОК СССР, — подчеркнул исполнительный директор Совета мира США М. Майерсон. — Я, конечно, сожалею о том, что советские спортсмены не будут участвовать в Олимпиаде, но считаю решение НОК СССР правильным».

Невозможность участия Советского Союза в XXIII Олимпийских играх в Лос-Анджелесе вызвано поджигательской, антисоветской атмосферой, созданной американскими властями накануне Игр, заявил в интервью корреспонденту ТАСС известный общественный деятель США, активист «Новой демократической коалиции» Чарльз Брайоди. Разумеется, отметил он, то, что Советский Союз не будет участвовать в Олимпиаде, является печальным и для многих американцев, но в условиях открыто поощряемой официальными властями США подготовки к антисоветским провокациям в Лос-Анджелесе, с участием специальных служб решение Национального олимпийского комитета СССР представляется разумным и справедливым.

Отражая точку зрения мировой общественности, индийская газета «Хиндустан таймс» писала, что

СССР принял решение о невозможности участия его спортсменов в Олимпийских играх в Лос-Анджелесе после того, как у него не осталось иного выхода.

Некоторые буржуазные газеты пишут о том, что отказ НОК СССР является бойкотом XXIII Олимпиады. Но отказ этот вполне правомочен, он не имеет ничего общего с бойкотом Игр. Олимпийская хартия дает право Национальным олимпийским комитетам отказываться по тем или иным причинам от участия в Играх. В данном случае решение НОК СССР вызвано отсутствием безопасности, явным использованием Игр американской администрацией в корыстных политических целях, поощряемой ею обстановкой антисоветизма. Но вместе с тем НОК СССР подтверждает его верность принципам и целям олимпизма, его желание и впредь развивать сотрудничество с Международным олимпийским комитетом, с другими международными спортивными организациями.

Рейган дал запоздалые заверения, что Соединенные Штаты, как страна — организатор Олимпийских игр, «будут полностью соблюдать Олимпийскую хартию», что спортсменам и официальным лицам в Лос-Анджелесе будет оказан «теплый прием». Но дело в том, что президент США дал за годы своего пребывания в Белом доме великое множество обещаний. Они лишь прикрывали вероломство и двуличие Вашингтона.

Советские спортсмены, которые потратили немало сил для того, чтобы подготовиться к выступлению на Олимпиаде в Лос-Анджелесе, единодушно поддержали решение НОК СССР. Советские спортсмены разных поколений, выступая в печати и в телевизионных передачах, заявили: защищая Олимпийский огонь от злых ветров, мы хотим уберечь спортивное движение от раскола, сохранить в чистоте благородные идеалы олимпийского спорта, который давно уже стал важным фактором международного общения, зримым символом мира, дружбы и сотрудничества между народами.

Никому не дано право использовать олимпийское движение в своих низменных политических целях, заниматься спекуляцией и распродажей высоких олимпийских символов.

А. КОЛОДНЫЙ

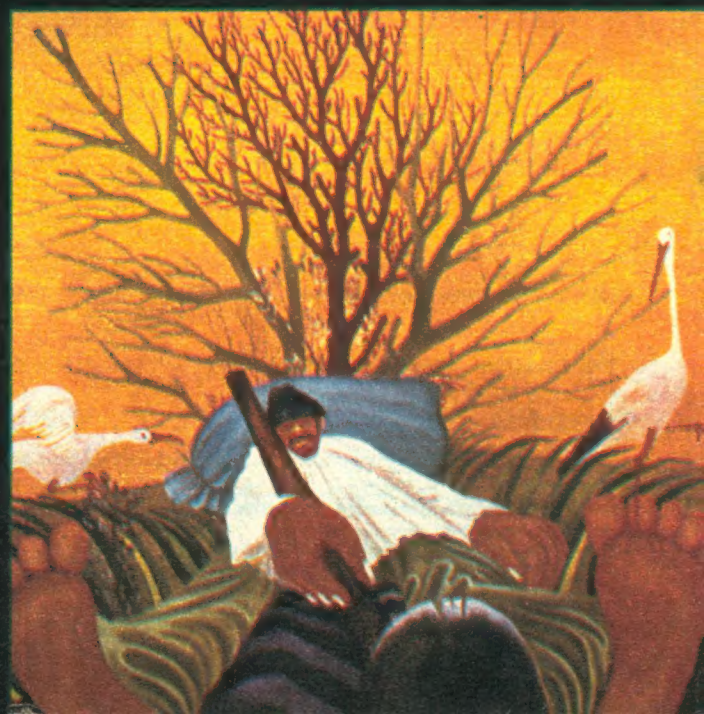
«Эмблемой» олимпийской новой
Не стал ли Слон!
С бесцеремонностью слоновой
Бушует он.

Позорен для большого спорта
Маневр Слона:
«Эмблема» этакого сорта —
Весьма вредна!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Слон — эмблема правящей в США республиканской партии.

ISSN 0131—0097
 Цена номера 40 коп.
 Индекс 70663